

# ПРОФЕССОРСКИЙ ЖУРНАЛ.

## Серия: РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА

№ 3(11)/2022

### ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

**Л.П. Клубукова**, д.п.н., профессор,  
член-корреспондент РАО, академик МАНПО,  
зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова

### РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**И.Б. Авдеева**, д.п.н., профессор, действительный член  
Петровской Академии наук и искусств, МАДИ  
**Э.Г. Азимов**, д.п.н., профессор, ГИРЯ имени А.С. Пушкина  
**Е.Л. Бархударова**, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
**С.И. Богданов**, д.ф.н., профессор, член-корреспондент РАО,  
ректор, РГПУ имени А.И. Герцена  
**Л.Д. Бугаева**, д.ф.н., доцент, СПбГУ  
**А.Н. Варламов**, д.ф.н., профессор, ректор,  
Литературный институт имени А.М. Горького  
**Е.Н. Виноградова**, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова  
**С.А. Вишняков**, д.п.н., профессор, член-корреспондент МАНПО,  
зав. кафедрой, МПГУ  
**В.А. Воропаев**, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова  
**М.М. Голубков**, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
**А.Д. Дейкина**, д.п.н., профессор, МПГУ  
**Л.А. Дунаева**, д.п.н., профессор, зам. декана,  
МГУ имени М.В. Ломоносова  
**Е.И. Зиновьева**, д.ф.н., профессор, СПбГУ  
**В.Б. Катаев**, д.ф.н., профессор, заслуженный деятель  
науки РФ, зав. кафедрой, МГУ имени М.В. Ломоносова  
**А.В. Коротышев**, к.п.н., директор секретариата РОПРЯЛ,  
МАПРЯЛ, руководитель Центра социолингвистических  
исследований РУДН  
**В.В. Красных**, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова  
**Е.А. Кузьминова**, д.ф.н., профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова  
**О.В. Макарова**, к.п.н., преподаватель, МГУ имени М.В. Ломоносова  
**Ю.Б. Мартыненко**, к.ф.н., доцент, МПГУ  
**Л.В. Московкин**, д.п.н., профессор, почетный работник сферы  
образования РФ, СПбГУ  
**Н.В. Поморцева**, д.п.н., профессор, декан, РУДН  
**Т.И. Попова**, д.ф.н., профессор, и.о. зав. кафедрой, СПбГУ  
**И.Н. Сухих**, д.ф.н., профессор, СПбГУ  
**М.Ю. Федосюк**, д.ф.н., профессор, МГУ имени Ломоносова  
**Е.А. Хамраева**, д.п.н., профессор, зав. кафедрой, МПГУ,  
директор межвузовского центра билингвального  
и поликультурного образования, РГПУ имени А.И. Герцена  
**Е.А. Чернышенко**, к.ф.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова  
**Т.В. Шмелева**, д.ф.н., профессор, Новгородский  
государственный университет имени Ярослава Мудрого  
**Д.А. Щукина**, д.ф.н., профессор, зав. кафедрой,  
Санкт-Петербургский горный институт  
**И.И. Яценко**, к.п.н., доцент, МГУ имени М.В. Ломоносова

### МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ РУСИСТИКИ

**А.Ф. Прияткина**  
К теории производного предлога ..... 2  
**Г.Н. Сергеева**  
Образования предложного типа и слова-гибриды ..... 11

### ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА И КНИЖНОСТИ

**Н.В. Николенкова**  
Пропущенные страницы истории русской орфографии:  
орфографические взгляды А.С. Шишкова ..... 16

### РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

**И.А. Беляева, А.Г. Матюшенко**  
Духовные причины идейного спора: еще раз о природе  
конфликта в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети» ..... 24

### ТЕОРИЯ И МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

**О.В. Анциферова, Н.А. Афанасьева, И.Н. Ерофеева,  
Д.В. Колесова, Е.В. Косарева, Т.И. Попова, К.А. Щукина**  
Telegram-канал как средство lifelong learning  
для преподавателя РКИ ..... 31  
**А.С. Каменева**  
Интернет-мемы на уроках РКИ: возможности  
и примеры использования ..... 39

### КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

**Н.З. Кольцова**  
Рецензия на монографию Л.В. Поляковой  
«Проза Е.И. Замятина: историософские искания  
художника», Тамбов: Издательский дом «Державинский»,  
2022. – 748 с. .... 49  
**М.С. Руденко**  
Рецензия на монографию: Ефимов М., Смит Д. Святополк-  
Мирский. М: Молодая гвардия, 2021. — 702 с.  
(Жизнь замечательных людей) ..... 54

**Адрес редакции:**  
115035 г. Москва,  
Космодамианская набережная  
д. 26/55, стр. 7  
e-mail: redactor@profsobranie.ru

**Учредитель**  
Общероссийская общественная  
организация «Российское  
профессорское собрание»  
(115035, г. Москва, Космодамианская  
набережная 26/55, стр. 7)

**Издатель**  
Общероссийская общественная  
организация «Российское  
профессорское собрание»  
(115035 г. Москва, Космодамианская  
набережная д.26/55, стр.7)

Журнал включен в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).  
Подписной индекс в объединенном каталоге «Пресса России» — 79623.

## К теории производного предлога\*

**А.Ф. Прияткина,**

Дальневосточный федеральный университет

**E-mail:** dvfu-kaf-rus@yandex.ru

В статье рассматриваются проблемы, связанные с определением типов языковых единиц, входящих в функциональную категорию служебности, и обсуждаются общие принципы разграничения классов служебных слов: релятивов (союзов и предлогов) и частиц. В этом контексте ставится вопрос о целесообразности включения лексикализованных предложно-падежных сочетаний типа *в результате, по причине, за исключением* и т. п., по традиции называемых производными предлогами, в грамматический класс предлогов. Автор анализирует возможные пути непротиворечивого описания указанных предложно-падежных единств, способных выполнять в речи функции предлога, выявляет особенности функционально-семантической природы подобных предложно-именных единств в синхронном плане. Особое внимание уделяется вопросу о важности изучения соотношения субстантивных и адъективных вариантов синтаксического распространения данных конструкций (*в отношении денег / в денежном отношении*) для установления грамматического статуса подобных лексикализованных предложно-падежных сочетаний.

**Ключевые слова:** служебные слова, функциональная категория служебности, текстовая скрепа, релятив, предлог, производный предлог.

### 1. Понятие «производный предлог» в общем контексте теории служебных слов

Категория «служебности» в русском языке традиционно трактуется в терминах частей речи, но ее современное осмысление ищет выхода за пределы классификационной схемы *союз — предлог — частица*. Весьма показательны исполь-

зование в специальной литературе терминов «строевые элементы», «структурные слова», «неполнозначные слова», расширяющих объем класса языковых единиц служебного характера. Широко понимаемая «служебность» заставляет вывести данную категорию за рамки традиционной морфологии, трактуемой как теория частей речи (грамматических

\* От редакционной коллегии. «Профессорский журнал» продолжает обращаться к страницам недавней истории русской грамматической науки, важным для современной лингвистики. В данном номере публикуются еще две статьи, подготовленные на основе докладов, предложенных вниманию участников конференции «Грамматика славянского предлога. Синхрония и диахрония», которая была проведена два десятилетия тому назад, 28–30 октября 2003 г. Если опубликованная ранее первая подборка материалов этой конференции (см.: [Всеволодова 2022; Золотова 2022]) была посвящена общим проблемам определения предлогов как особого грамматического класса слов, то сейчас вниманию читателей предлагаются статьи, в которых рассматриваются методологические вопросы выделения особой группы активно используемых в речи служебных единиц, которые по традиции принято называть производными предлогами.

Это статьи ученых Дальневосточной синтаксической школы: основателя школы, профессора Дальневосточного федерального университета Аллы Фёдоровны Прияткиной, а также доцента данного университета Галины Николаевны Сергеевой. Публикуемые в нашем журнале статьи интересны и сами по себе, и как средство привлечения внимания российских и зарубежных русистов к идеям и методам одной из авторитетных школ отечественной лингвистики. С учетом общей проблематики наших экскурсов в историю становления современной теории предлога важно подчеркнуть, что основным объектом изучения в трудах представителей этой школы являются именно служебные слова, в том числе предлоги (см. библиографию публикуемых ниже статей, а также редакционные примечания к ним, соотносящие исследования начала века с современным научным контекстом).

классов слов). Не говоря уже о целых классах служебных слов-новообразований с нестандартными частеречными характеристиками, достаточно сослаться на неоспоримый факт служебности местоимений определенных разрядов, имеющих принципиально иную морфологию, чем виноградовские «частицы речи».

Но и в рамках классической триады *союз — предлог — частица* всё более значимым осознается выделение общего класса *союз — предлог*, противопоставленного классу *частиц*. Первый представляет собой функциональную категорию «релятивов», то есть форм выражения синтаксических отношений, а класс частиц имеет иную, по мнению многих специалистов, трудно поддающуюся общему определению функцию. Противопоставление релятивов частицам значимо, несмотря на тот факт, что «многие частицы вторгаются в сферу деятельности союзов, организуя различные конструкции простого и сложного предложения» [Стародумова 2002: 3]. Всё сказанное свидетельствует о существовании теоретической проблемы общей типологии служебных средств современного русского языка.

Названная проблема в своей несомненной актуальности порождена не только несовершенством соответствующей области теории языка, но и изучением современного речетворчества. Она отражает живые процессы, речевую новизну. Современный русский письменный текст в многообразии своих активно развивающихся функциональных стилей и жанров характеризуется всё более усложненными способами оформления семантико-синтаксических отношений и связей составляющих его компонентов. Рамки двух классов релятивов (союзы / предлоги) явно оказываются узкими. Бурно протекающие процессы порождения разнообразных моделей релятивов заставляют теорию языка принимать определенные решения при квалификации фактов.

Один из путей — это расширение списка классов релятивов. Примером решений этого типа является постулат существования специальных служебных единиц — средств организации текста, которые получили название «текстовые скрепы» (или просто «скрепы»)¹. Решением этого же рода следует считать и выделение «союзных слов» как особого класса служебных единиц [Русская грамматика 1980], традиционно рассматриваемых внутри части речи «местоимение». Принятые решения, при всей своей обоснованности, оставляют многие вопросы открытыми², так что целые группы фактов остаются без однозначной квалификации или вообще без определения. Таков, например, вопрос о статусе так называемых «вводно-модальных слов», в своей значительной части по ряду признаков входящих в категорию «служебных слов» (в частности, «текстовых скреп»); об этом же свидетельствует обращение некоторых исследователей к понятию «слова-гибриды» [Словарь служебных слов 2001: 287–349]³.

Другой путь — это расширение границ традиционно признаваемых классов. Примером может служить расширение понятия «союз» (ср. термин «союзы текста»).

К такого рода решениям следует отнести и квалификацию определенного типа служебных единиц как «производных предлогов» (другой, менее популярный термин — «вторичные предлоги»). В результате круг фактов, к которым

<sup>1</sup> См. созданные в рамках Дальневосточной синтаксической школы работы последних лет, посвященные описанию текстовых скреп: [Селюнина 2010; Березина 2015; Тюрин 2016; Гускина, Стародумова 2018; Шереметьева, Пилюгина 2019; Откидыч 2020; Шереметьева, Ван Цяоши 2020; Конева, Стародумова 2021] и др. — *Прим. ред.*

<sup>2</sup> Ср., в частности, описание служебных слов — «коннекторов» в исследовании [Инькова 2018]. — *Прим. ред.*

<sup>3</sup> См. также [Служебные слова в лексикографическом аспекте 2017]. — *Прим. ред.*

применяется термин «предлог», расширяется. Судя по данным, которыми располагают научные коллективы, которые фиксируют новообразования, являющиеся результатом активных процессов «опредложивания» лексикализованных словоформ и предложно-падежных конструкций, класс предлогов фактически теряет границы (ср. например, перечень соответствующих единиц в [Шиганова 2001] и список, обсуждаемый исследователями Дальневосточного государственного университета [Во Куок Доан 2002])<sup>4</sup>.

## 2. Теоретический аспект проблемы производного предлога

В чём мы видим остроту рассматриваемой теоретической проблемы?

Если предъявить русисту два ряда фактов: а) *о, на, к, в* (и все другие из списка, насчитывающего 24 единицы) и б) *по причине, благодаря, несмотря на, в отношении* (и большой ряд подобных), то очень мало вероятности, что найдется кто-либо, кто будет утверждать, что это один класс служебных слов. Иначе говоря, в представлении русиста-теоретика за терминами «предлог» и «производный предлог» стоят разные понятия, квалифицирующие разные типы языковых фактов<sup>5</sup>. Из этого следует, что всё дело в атрибуте «производный». Этого определения теоретику практически достаточно, чтобы избежать упрека в отождествлении двух языковых категорий.

Что касается существа различий, то оно формулируется в очень немногих работах и делается весьма осторожно и

ограниченно, см. например: [Камынина 1999: 209–211]. Так, отличительной чертой «производного предлога» считается однозначность, в то время как «простому» предлогу свойственна многозначность. Заметим, однако, что отличительная сила этого признака весьма невелика и сомнительна: кажется, ничто не мешает отдельным производным предлогам обнаружить неоднозначность (ср. например: *рассматривать в порядке следования, принять в порядке исключения* и под.).

Более строгий, формальный, характер имеют отличия, устанавливаемые Н.А. Еськовой, которая находит их в разных морфонологических свойствах простых и производных предлогов [Еськова 1996]. Но такого рода отличия, при всей их грамматической ценности, не могут сравниться с функциональными особенностями, позволяющими развести факты группы «а» и факты группы «б» по разным функциональным классам (особый синтаксис «производного предлога» успешно выявляется при применении понятия «конструкция» [Леоненко 1972; Миронова 2001] и др.)<sup>6</sup>.

Термин «производный предлог» неудовлетворителен потому, что он указывает лишь на происхождение служебного слова и никак не отражает его особых свойств в современном русском языке.

Дело, однако, не просто в термине, а в самом подходе к изучению явления. Производные предлоги преимущественно исследуются в терминах процесса: устанавливается степень развития релятивной функции, стадия превращения одной категориальной семантики в другую — в частности степень утраты именем существительным лексического значения субстантива в пользу развития семантики релятива. Лингвистическая ценность такого рода исследований несомненна,

<sup>4</sup> После научной конференции, посвященной изучению предлогов (МГУ, 2003), был опубликован ряд словарей, для которых характерно широкое понимание предлога и предложных единиц [Бурцева 2010; Лепнев 2010; Всеволодова и др. 2018]. — *Прим. ред.*

<sup>5</sup> С этим категоричным утверждением, очевидно, не согласились бы многие авторитетные лингвисты-теоретики, см.: [Виноградов 2001: 558–560; Русская грамматика 1980, т. I: § 1658–1662; Русский язык / Энциклопедия 2020: 557–559] и др. — *Прим. ред.*

<sup>6</sup> О понимании термина «конструкция» учеными Дальневосточной синтаксической школы и в рамках современной «Грамматики Конструкций» см.: [Шереметьева 2014; 2015]. — *Прим. ред.*

но диахронический план анализа не может заменить синхронического. Последний призван установить, какими свойствами обладают в современном русском языке лексикализованные именные словоформы — беспредложные или предложно-падежные, позволяющими подвести их под категорию предлога, и какие свойства отличают их от собственно предлога.

То, что мы называем производным предлогом, несомненно, служит средством выражения некоторого семантико-синтаксического отношения, причем обязательным компонентом этого отношения является падежная словоформа. Именно на этом, достаточно веском формальном и функциональном основании некоторые слова и единства квалифицируются как предлоги.

Вместе с тем подобные «предлоги», то есть единицы типа *несмотря на, в связи с, в зависимости от, в отношении, на базе* и т. п. в морфологическом отношении представляют собой непростое образование и, что особенно важно, включают в свой состав единицу того же порядка, что и целое, то есть собственно предлог. Предлог внутри целого остается самим собой (хотя и имеет разную степень значимости, что присуще ему как компоненту грамматического класса).

Имеет ли эта двойственность чисто формальный характер, или «производный предлог» все-таки не вполне предлог, а иная служебная единица — близкая предлогу по функции, но не совпадающая с ним полностью? Простого ответа здесь нет и быть не может прежде всего потому, что и сами «производные предлоги» очень различны как по морфологическому строению, так и в функционально-синтаксическом отношении. В теоретическом отношении сложность вопроса как раз и составляет естественное скрещение синхронии и диахронии: состав предлогов в полном смысле термина, то есть «простых», действитель-

но пополнился и пополняется за счет перерождения лексических единиц, и если можно найти метод, чтобы установить границу, отделяющую «уже предлог» от «еще не вполне предлог», то можно и очертить круг фактов, составляющих некий родственный предлогу тип служебных единиц. Для первого круга фактов («уже предлог») отношение к «производящему» слову является вопросом этимологии (таковы: *сквозь, кроме, вроде*), а для второго — это функционально значимое состояние (ср.: *по причине, в отношении, в соответствии* и т. п.). Но мы не зря употребили гипотетическую модальность: такой границы нет в силу законов устройства языка. Однако, если принять как условие отсутствие четкой границы между названными типами релятивов, то рассматривать вторую группу фактов можно в синхронном плане, не боясь впасть в противоречие.

### 3. Отыменные «предлоги» или имена-релятивы?

Модели отыменного предлога (существительное<sup>7</sup> + предлог + падеж; предлог + существительное + падеж; предлог + существительное + предлог + падеж) являются для современного состояния языка весьма продуктивными. Имя существительное, составляющее их основу, характеризуется абстрактной семантикой (факт, установленный давно, — см., в частности: [Бондаренко 1961]). В одних случаях это чистая реализация первичного или единственного лексического значения существительного (например, *в результате* ← *результат*: МАС), в других случаях это реализация вторичных

<sup>7</sup> К перечисленным схемам требуется, как кажется, дать одно уточнение. Существительное в русском языке является, как всем известно, не только средством выражения лексического значения, оно включает и падежную морфему (флексию). Поэтому компонент «существительное» в приведенных автором схемах, следует, очевидно, понимать как «основа существительного». — *Прим. ред.*



значений (например: *по ходу* ← *ход*<sub>2</sub>: МАС). Первые два условия функционирования имени должны быть сведены к одному, поскольку они существенно отличаются от третьего — когда лексическое значение существительного связано именно данной структурой (например, *в деле, по мере, по линии*). Нетрудно объяснить это различие, если иметь в виду процесс перехода однозначных слов в служебные, а в нашем случае — процесс утраты именем своего самостоятельного значения, своей отделенности от предлога, и как результат лексикализация предложно-падежной формы. Иначе говоря, с этой точки зрения всё дело в стадии перехода одной языковой сущности в другую. Но не это нам нужно для анализа явления в синхроническом плане. Мы не ставим вопроса о пути перехода предложно-именной формы в обычный предлог и не предрекаем завершения этого процесса: предметом обсуждения является функционально-семантическая природа предложно-именного единства как такового, на данном этапе его существования.

Представляется возможным трактовать явление следующим образом.

1) Имя существительное выступает в соответствии со своим категориальным значением, но оно используется не только в номинативной функции, но и как релятив, то есть обозначает (описывает) отношение между частями синтаксической структуры;

2) его падежная форма в соединении с предлогом служит формой, указывающей на релятивную функцию имени.

Есть по крайней мере два типа фактов, свидетельствующих в пользу такого решения.

I. То, что имя здесь равно самому себе, доказывается возможностью парадигматических отношений между конструкциями. Это соответствия типа:

*Н. не явился на экзамен по причине болезни / Причиной неявки N на экзамен была*

*болезнь / — N. не явился на экзамен. — Причина? — Болезнь;*

*N. уволен на основании приказа ректора от 15 декабря / Основанием для увольнения N явился приказ ректора от 15 декабря / N. Уволен. — Основание? — Приказ ректора от 15 декабря;*

*В результате нарушения правил безопасности погибли люди / Результатом нарушения правил безопасности стала гибель людей / Были нарушены правила безопасности. Результат — гибель людей;*

*Строительство может растянуться на год или два — в зависимости от финансирования / Сроки строительства будут зависеть от финансирования / Зависимость сроков строительства от финансирования очевидна;*

*Такую специальность можно получить на базе среднего специального образования / Базой данной специальности является среднее специальное образование;*

*Он неукоснительно выполнял свои обязанности в отношении детей / Он был строго обязателен в своем отношении к детям;*

*Ищем таланты! / В поисках талантов (два заголовка газетных статей на одну тему).*

Подобные конверсивы, предоставляющие говорящему возможность выбора, охватывают определенный, достаточно ограниченный круг существительных (он может быть представлен закрытым списком). Относительно этих существительных можно говорить об особой, присущей им функции, а именно — релятивной<sup>8</sup>. Она имеет место в условиях того

<sup>8</sup> И вновь требуется одно существенное терминологическое уточнение, связанное с типовой структурой русского существительного (основа + флексия). Это уточнение полностью согласуется с только что сформулированной автором статьи бинарной моделью субстантивной релятивности: релятивная функция может быть выражена падежной флексией любого существительного (нередко в сочетании с предлогом), а у некоторых имен, которые становятся строительным материалом для образования производных предлогов, релятивная семантика выражается не только

или иного сочетания с предлогом и того или иного падежного управления. Фактически именно это фиксируют толковые словари, когда включают «производный предлог» в словарную статью того или иного существительного.

II. Имеет место удивительный синтаксический факт, весьма знаменательный для теории служебного слова, поскольку касается не только предлога, но и союза (см. [Словарь служебных слов 2001: 211–212]). Мы имеем в виду употребление типа: *Конечно, это был гений. Причем в Леонардовом духе* (Ю. Трифонов. *Время и место*) / ср.: *в духе Леонардо*.

Не оставляет сомнений идентичность лексического значения существительного и в других соотносительных конструкциях подобного типа: «предложной» и атрибутивной:

*на основе теории — на теоретической основе;*

*в отношении финансов — в финансовом отношении* и т. п.

Более того, каждая из таких конструкции осознается как вариант выражения одного и того же синтаксического значения. Атрибутивный вариант по своей функции фактически равен предложному. Он создает иллюзию предложного, хотя в нем отсутствует определяющий грамматический признак предлога — управление падежом (см. ниже рассуждение Д.Н. Шмелева). Факты этого рода говорят в пользу того положения, что имя существительное в отыменном «предлоге» остается существительным, но при этом выполняет релятивную функцию<sup>9</sup>.

флексией, но и основной существительного. Следовательно, релятивная функция в принципе характерна, по определению падежа как средства выражения синтаксических отношений, для любой словоформы любого существительного, а также для предложно-падежных конструкций. — *Прим. ред.*

<sup>9</sup> Для подобных конструкций в Дальневосточной синтаксической школе используется термин «отыменной релятив», см. работы последнего времени: [Шереметьева 2008; Гавриленко 2014; Шереметьева, Ли Жэньчжэ 2016; Артеменко 2020 и др.]. — *Прим. ред.*

Аналогичную функцию оно выполняет и в конструкции с согласуемым атрибутом. Формы *N2 (теории)* и *ADJ (теоретический)* — это варианты выражения одной и той же функции. Конструктивное единство обеспечивает предложно-именное сочетание: *на N6 (на основе), в N6 (в отношении)* и др. подобные.

Однако в современной теории служебных форм и функций не предусмотрено место для подобных явлений. В настоящий момент мы претендуем только на постановку вопроса<sup>10</sup>. Звучать она может так: отдельные лексемы — имена существительные отвлеченной семантики, оставаясь таковыми, могут выполнять служебную функцию, выступая как основа для введения в синтаксическое отношение некоего свободного имени — члена предложения.

Пример такого служебного функционирования существительного можно видеть в употреблении слова *отношение* в форме *в отношении*. Это функция введения «темы» — области, сферы, предмета ментальной деятельности (суждения, речи, оценки) [Во Куок Доан 2001]:

*в отношении денег / в денежном отношении;*

*В отношении организации работ было сделано все необходимое / В организационном отношении все было хорошо продумано.*

В словаре [Рогожникова 1991: 57] дается пример на предлог *в отношении* (*В отношении общей технической культуры завод делал заметные успехи*), и этот пример также может быть трансформирован аналогичным образом: *В культурно-техническом отношении...*

Однако утверждение о легкой, автоматической конверсии было бы ложным: в разных лексических условиях отдается предпочтение или управляемой форме *N2*, или согласуемой форме *ADJ*.

<sup>10</sup> В это же время об этих языковых фактах думали М.В. Всеволодова и ее коллеги [Всеволодова и др. 2003], ставя тот же, как кажется, до сих пор не решенный однозначно вопрос. — *Прим. ред.*

Так, в следующих примерах вряд ли возможен вариант с формой *N2*: *Иностран- ный артист выражает свое восхищение Москвой, выросшей в техническом отно- шении* (Булг.); *В отношении административном, Москве дарована конституция, учрежден муниципалитет* (Л. Толст.); *...но музыка после обеда усыпляет, а спать после обеда здорово: следовательно, я люблю музыку в медицинском отношении* (Лерм.).

В других лексических условиях един- ственно приемлемым оказывается суб- стантивный (не адъективный) вариант: *В отношении билетов всё решилось очень просто и быстро; Женитьба была не блестящая в отношении родства* (Л. Толст.).

Между тем реальные тексты дают многочисленные примеры возможно- сти чередования подобных вариантов, подтверждающие их однофункциональ- ность. Легче всего мена субстантива на адъектив проходит для местоимения: *в этом отношении, в этой связи, в данном случае, на таком основании, в таком слу- чае, в этом духе, в чей адрес* и т. д.

Пара *в связи с этим* и *в этой связи* однозначна и однофункциональна. Для местоименного адъектива данное со- отношение существует как закономер- ность — оно отмечается и при других служебных словах. Ср. иную ситуацию в конструкциях при союзе *как* ‘в качестве’, где мена субстантива на адъектив не со- провождается падежной перестройкой указанного типа: *роль Иванова как дирек- тора — моя роль как директора*.

### Литература

1. Бондаренко В.С. Предлоги в современном русском языке. М., 1961.
2. Во Куок Доан. Семантико-синтаксические свойства релятивов с лексемой “от- ношение” в современном русском языке. Дис ... канд. филол. наук. Владиво- сток, 2002.
3. Еськова Н.А. Первообразные и непервообразные предлоги. Формальный аспект // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1966.
4. Камынина А.А. Современный русский язык. Морфология. МГУ, 1999.
5. Леоненко М.А. К вопросу об изучении предложно-падежных оборотов расши- рительно-ограниченного значения // Исследования по современному русскому языку. Владивосток, 1972.

В свое время Д.Н. Шмелев обратился к фактам такого рода в связи с оценкой степени утраты существительным свое- го категориального значения при превра- щении предложно-именного сочетания в предлог: «...можно ли считать, что лекси- кализация многих приведенных выше со- четаний слов<sup>11</sup> является свершившимся фактом? Например, даже наиболее близ- кие к предлогам сочетания *в отношении, в целях, за исключением, по причине* и др. могут быть разделены некоторыми дру- гими словами: *в этом отношении, в этих целях, за одним исключением* и т. п. Ср. *И хотя в денежном отношении игра была ничтожная..., но она...радовалась, когда выигрывала <...>*. Вряд ли целесообраз- но существительное в сочетании *в этом отношении* рассматривать как существи- тельное, а в сочетании *в отношении этого* как часть предлога» [Шмелев 2002: 340].

Мнение Д.Н. Шмелева может служить веской поддержкой того вывода, что реля- тивное по своему номинативному значе- нию имя существительное семантически тождественно в двух разных констру- кциях, одна из которых признается как предложная, а другая статуса служебного слова не имеет. Полагаем, что обе они могут быть признаны служебными и обе не являются предлогами в истинном смы- сле термина. Перед нами явление, которое требует обстоятельного изучения.

<sup>11</sup> Речь идет о большой группе предложных ново- образований, перечисленных на с. 337 цитируе- мой статьи Д.Н. Шмелева. — А. П.



6. Миронова С.Ю. Синтаксическая связь и лексическое наполнение конструкций с предлогом “вместе с” // Проблемы изучения и преподавания языка. Елец, 2001.
7. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова. М., 1991.
8. Русская грамматика. М., 1980.
9. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток, 2001.
10. Стародумова Е.А. Частицы русского языка. Разноаспектное описание. Владивосток, 2002.
11. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном языке. Челябинск, 2001.
12. Шмелев Д.Н. К вопросу о “производных” служебных частях речи и междометиях // Избранные труды по русскому языку, М. 2002.

### **Научные исследования, указанные в редакционных примечаниях**

1. Артеменко М.В. Отыменный релятив «по образцу»: синтаксис и семантика // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 453. С. 5–9.
2. Березина (Титова) Н.С. Структурные и семантические особенности сочетания «на самом деле» в текстах научных работ М.М. Бахтина // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 392. С. 39–42.
3. Бурцева В.В. Словарь наречий и служебных слов русского языка. М.: Дрофа, 2010.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). Изд. 4-е. М., 2001.
5. Всеволодова М.В. Проект «Славянские предлоги в синхронии и диахронии: морфология и синтаксис» (русский язык) // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 4–17.
6. Всеволодова М.В., Виноградова Е.Н., Чаплыгина Т.Е. Русские предлоги и средства предложного типа. Материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления: Реестр русских предложных единиц. Книга 2: А — В (объективная грамматика). М.: URSS, 2018.
7. Всеволодова М.В., Клобуков Е.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. К основаниям функционально-коммуникативной грамматики русского предлога // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2003. № 2. С. 17–59.
8. Гавриленко В.В. Особенности функционирования отыменного релятива «в стиле» // Европейский социальный журнал. М., 2014. № 10. Т. 2 (49). С. 146–151.
9. Гускина Е.Н., Стародумова Е.А. Текстовая скрепа «впрочем»: контекстные модификации // Научный диалог. 2018. № 5. С. 60–70.
10. Золотова Г.А. К проблемам изучения предлогов // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2022. № 2 (10). С. 18–23.
11. Инькова О.Ю. (ред.). Семантика коннекторов: контрастивное исследование. М.: ТОРУС ПРЕСС, 2018.
12. Конева Н.В., Стародумова Е.А. Текстовая скрепа «кроме того»: контекстные модификации // Научный диалог. 2021. № 6. С. 78–91.
13. Лепнев М.Г. Русские производные предлоги. Проблемы семантики. Словарные материалы. СПб.: ИП «Ефименко Д.Л.», 2010.
14. Откидыч Е.В. Прагматический потенциал текстовой скрепы «кстати» // Сибирский филологический журнал. 2020. № 1. С. 255–266.
15. Русский язык / Энциклопедия. 3-е изд. М., 2020.

16. Селюнина О.А. Скрепя «поэтому» как средство оформления вторичной связи // Мир русского слова. 2010. № 3. С. 43–48.
17. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. CD-ROM.
18. Тюрин П.М. Текстовые скрепы «Таким образом» и «Итак» в современном русском языке: особенности функционирования и семантики. Владивосток: Дальневосточный федеральный университет, 2016. 202 с.
19. Шереметьева Е.С. Отыменные релятивы современного русского языка. Семантико-синтаксические этюды: монография. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2008. 236 с.
20. Шереметьева Е.С. Описание служебных слов в концепции Дальневосточной синтаксической школы и грамматика конструкций // Вестник АТАПРЯЛ. № 4. 2014. С. 19–21.
21. Шереметьева Е.С. Понятие «конструкция» как языковое явление и как инструмент описания служебных слов предложного типа // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53): в 3-х ч. Ч. III. С. 218–220.
22. Шереметьева Е.С., Ван Цяоши. Текстовая скрепа «Теперь о...»: лексические модификации и специфика функционирования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. Том 13. Выпуск 7. С. 129–134.
23. Шереметьева Е.С., Ли Жэньчжэ. Отыменной релятив «в сопоставлении с»: конструкция и сочетаемость // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 9 (63): в 3-х ч. Ч. 2. С. 117–120.
24. Шереметьева Е.С., Пилюгина Н.Ю. Текстовая скрепа «так или иначе»: типы конструкций и функционально-семантический потенциал // Научный диалог. 2019. № 5. С. 123–138.

---

## On the theory of the derived preposition

**A.F. Priyatkina,**

Far Eastern Federal University

**E-mail:** dvfu-kaf-rus@yandex.ru

The problems related to the definition and volume of units included in the category of “auxiliary” are raised in the article, i.e. the oppositeness of the category of conjunction — preposition (relatives) and the category of particles, on the one hand, and the expansion of the class of relatives, on the other. Within this ideas it’s discussed whether it’s reasonable to include lexicalized case-prepositional word forms like *в резуль’тате ‘as a result (of)’*, *по причине ‘because (of)’*, *за искл’учением ‘except (for)’*, etc., which are traditionally treated as derived prepositions, into the grammatical class of prepositions. The author analyzes the possible ways of a consistent description of denominative innovations capable of performing the functions of a preposition, identifies the features of the functional and semantic nature of such prepositional-nominal units in synchronous terms. Particular attention is paid to the question of the relationship and status of their attributive and prepositional variants in order to establish their grammatical status.

**Key words:** functional words, the category of “auxiliary”, discourse connective, relative preposition, derived preposition.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-11-15

# Образования предложного типа и слова-гибриды

**Г.Н. Сергеева,**

Дальневосточный федеральный университет

**E-mail:** dvfu-kaf-rus@yandex.ru

В статье анализируется одна из групп эквивалентов слова — слова гибридного типа: их особенности изучаются на примере лексикализованных предложно-падежных конструкций *в результате* и *в итоге*, которые могут функционировать в тексте с распространителем и без него. Обсуждается статус подобных единиц, в частности проблема их отнесения к производным предложениям. Продемонстрировано функциональное сходство на уровне текста рассматриваемых слов-гибридов при их самостоятельном функционировании и при употреблении с субстантивным распространителем, в составе именной группы; охарактеризовано употребление названных лексем в позиции скрепы-фразы.

**Ключевые слова:** служебное слово, слово-гибрид, гибридное слово, производный предлог, текстовая скрепа.

1. По формальному составу компонентов Р.П. Рогожников выделяет несколько групп эквивалентов слова, одна из которых представлена моделью «предлог + сущ.». По этой модели составлены и адвербиальные по своей семантике конструкции (*без устали, без умолку*), и производные предлоги (*в знак, в адрес*), и слова гибридного типа (*в целом, в общем*), совмещающие признаки разных частей речи [Рогожников 1991]. Такие производные слова мы относим к особому семантико-функциональному типу эквивалентов слова — лексикализованным предложно-падежным формам в служебной функции.

Среди последних выделяется группа слов, которые могут употребляться самостоятельно — и без распространителей, и с зависимым компонентом: *в дополнение — в дополнение к чему-л., в завершение — в завершение чего-л., в заключение — в заключение чего-л., в результате — в результате чего-л.* и т. д. Некоторые из них в словарях и лингвистической литературе традиционно считаются производными предложениями. Однако это утверждение нуждается в уточнении.

2. Эквиваленты слова (по Р.П. Рогожниковой) ученые Челябинской фразеологической школы безоговорочно относят к фразеологизмам [Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов 2002]. Однако некоторые из подобных «фразеологизмов», при ином подходе, могут быть квалифицированы по-другому, как слова-гибриды, см. [Крылова 2002]. На кафедре современного русского языка Дальневосточного государственного университета изучение служебной лексики, в том числе и слов-гибридов, ведется в русле многоаспектного описания подобных слов в связи с потребностями их лексикографического описания. В 2001 году кафедрой был издан «Словарь служебных слов русского языка»; подготовлен также ряд кандидатских диссертаций по словам-гибридам<sup>1</sup>.

Так, А.Г. Сергеева, анализируя синтаксические свойства гибридного слова

<sup>1</sup> Слова-гибриды продолжают активно изучаться учеными Дальневосточной синтаксической школы, см.: [Сергеева 2007; Шнырик 2008, 2013, 2016, 2017; Служебные слова в лексикографическом аспекте 2017; Шереметьева, Хэ Сьюань 2018] и др. — *Прим. ред.*

в заключение, сосредоточивает внимание на сравнении самостоятельного употребления этой лексемы и употребления в составе именной группы, с зависимым именем существительным. Ср.: *Медицинская помощь, не входящая в программу ОМС, может быть оказана за счет личных средств граждан, средств бюджета, средств организаций <...>. В заключение хочу подчеркнуть, что каждый работающий гражданин должен иметь действующий полис обязательного медицинского страхования (газ.); — Генеральный директор АО «Приморавтотранс» Вячеслав Мартыненко сообщил, что была чехарда с коммерческими рейсами <...>. В заключение беседы В. Мартыненко подчеркнул, что он совершенно не против конкурентов <...> (газ.).*

На основании подобных сопоставлений делается вывод, что различие между этими словами наблюдается лишь на уровне внутренних связей в предложении; на уровне же текста они функционально сближаются [Сергеева 2002]<sup>2</sup>. Этот вывод представляется значимым, так как дает возможность глубже осмыслить вопрос о грамматической омонимии и о категориальном статусе соотносительных единиц.

3. При составлении словарных статей слов-гибридов типа *в результате*, *в итоге* для «Словаря служебных слов русского языка» мы также столкнулись с этой проблемой. В словарных статьях было представлено только употребление этих лексем без зависимого компонента. Сопутствующие замечания в словарных статьях (при характеристике параметра «Омонимия») типа «отличать от *в итоге чего-л.* — предлог» [Словарь служебных слов русского языка 2001: 323; 330] не снимают проблемы. Единицы близки по

значению — в этом их отличие от обычных лексических омонимов. Квалификация единиц типа *в итоге* как предлогов требует специальных уточнений.

Категориальный статус служебных слов типа *в итоге*, *в результате*, даже в условиях их самостоятельного функционирования, мы определяем следующим образом. Это особые служебные слова союзного типа, о чём свидетельствует их текстовый характер: 1) они вводят фрагмент текста (высказывание, абзац, реплику диалогического единства); 2) они являются частью бессоюзного сложного предложения; 3) являются скрепой-фразой (термин А.Ф. Прияткиной).

*В итоге*, *в результате* с распространителями употребляются в тех же условиях; им свойственна та же сочетаемость:

1) с предикатами результативной семантики — глаголами, ср.:

*10 «а» был задуман как экспериментальный математический. В итоге оказалось, что большинство ребят решило поступить в медицинский (газ.); — ЧП в подzemелье стало поводом для кропотливого разбирательства компетентных органов. В итоге расследования оказалось: подвыпивший гражданин, выходя из метро, забрел за неприметную решетку на одной из станций <...> (газ.);*

*Человек изо дня в день потребляет больше калорий, чем тратит. В результате возникает энергетический дисбаланс (газ.); — Правильно отметить факты падения редуцированных помогут <...> знания результатов падения редуцированных в современном русском языке. В результате этого процесса возникли беглые гласные <...> (Л. Дровникова);*

*<...> профессор А.Б. Андреев сообщил дополнительные сведения о 7-месячном влиянии магнитных браслетов на организм 80 больных людей с нарушением кровяного давления. В результате было установлено улучшение общего состояния у большинства больных (газ.); — <...> Кстати, после войны хранитель Янтарной комнаты*

<sup>2</sup> На данную тему А.Г. Сергеевой позднее была защищена диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук [Сергеева 2007] и опубликована статья [Сергеева 2011]. — Прим. ред.

доктор Роде спускался в бункеры Кеннигсберга вместе с нашими военными, но почему-то не сказал им, что из-под земли шли тайные ходы в более глубокие подземные горизонты <...> **В результате многолетних исследований** поисковиками выявлено несколько перспективных мест значительной концентрации янтаря <...> (газ.);

2) с оценочными предикатами, преимущественно с глаголами, имеющими значение изменения состояния, ср.:

Водохранилище затопило большие площади лесных и сельскохозяйственных угодий <...>. **В результате** ухудшились условия для рыбного хозяйства и судоходства (учебник); — <...> Наоборот, администрация города умудрилась по 6 месяцев не платить зарплату работникам ЖЭУ и МУП. **В результате такой политики** состояние жилищного фонда Владивостока значительно ухудшилось (газ.).

Заслуживает особого внимания употребление служебных единиц *в итоге*  $N_2$  и *в итоге* без субстантивного распространителя в контекстах, содержащих показатели логической последовательности событий (ниже эти показатели выделены подчеркиванием):

А когда Алешке было около года, его «манеж» отец поставил рядом с клавиатурой пианино. И сын, подражая отцу, **начал тыкать** пальчиком то в одну, то в другую клавишу. Вначале он лишь **забавлялся** тем, <...>. Но очень скоро Алешка обнаружил, <...>. Потом он обнаружил, <...> И так далее. А **в итоге** Алешка к трем годам руками освоил клавиатуру <...> (газ.); — Автор ставил перед собой и пытался разрешить несколько взаимосвязанных задач: во-первых <...> в-четвертых (и в связи с предыдущим), реконструировать художественно-этическую программу Чернышевского-романиста <...>; **наконец**, **в итоге** всего проделанного анализа обосновать представляющийся правомерным и единственно справедливым антитрадиционный взгляд на Чернышевского

как на художника не только общенационального, но и мирового масштаба <...> (Ю. Руденко).

Таким образом, на уровне текста нет принципиальных различий между самостоятельным функционированием лексемы и употреблением ее в составе именной группы. Этот вывод справедлив и для других лексем такого типа (*в довершение* — *в довершении*  $N_2$ , *в завершение* — *в завершение*  $N_2$ , *в дополнение к*  $N_3$  и др.), характеризующихся меньшей степенью употребительности.

4. Наличие или отсутствие зависимого компонента не является бесспорным свидетельством знаменательности или служебности лексем. В «Словаре эквивалентов слова» Р.П. Рогожниковой только три лексических единицы отнесены к предлогам при условии их употребления с зависимым существительным (*в заключение*, *в продолжение*, *в результате*). Остальные квалифицируются как наречия или их аналоги, которые могут иметь тенденцию к распространению существительным [Рогожникова 1991: 13–14].

Трактовки «Толкового словаря русского языка» С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой более традиционны: предлогами считаются все лексемы с распространителем, кроме *в итоге*. В монографии же Г.А. Шигановой и *в итоге* включается в разряд фразеологических предлогов современного русского языка [Шиганова 2001: 445–448].

Гораздо сдержаннее подход к предложно-именным единствам на основе лексемы *отношение* (*в отношении*, *в отношении к*, *по отношению к*) в кандидатской диссертации Во Куок Доана: они названы рабочим термином релятивы, так как не в полной мере обладают свойствами предлога [Во Куок Доан 2002].

Разная степень определительности именных групп определяется многими факторами, и прежде всего частотностью употребления сочетания с распространителем, широтой круга существительных,



с которыми может сочетаться лексическая единица. Самой частотной из предложных групп (термин А.А. Мецлера) является слово *в результате*. Оно же имеет самый широкий круг зависимых существительных. Именно поэтому *в результате* больше других лексем подвержено лексикализации и приближается к производному предлогу.

5. В современном русском языке наметилось расширение круга служебных единиц за счет употребления названных лексем в позиции скрепы-фразы. Ср:

– *Чиновники победили художников. Сначала они подавали наверх одностороннюю информацию, потом сделали всё, чтобы не допустить встречи руководителей страны с мастерами искусства <...> В завершение: нам стало известно содержание письма министра культуры <...> (газ.);*

*Не могу не сказать и о некоторых достаточно принципиальных вопросах. О части из них, в том числе о кадрах, я говорил или писал Вам. В дополнение. О стиле работы т. Лигачева Е.К. Мое мнение (да и других) — он (стиль), особенно сейчас, негоден <...> (Б. Ельцин).*

Употребление словоформ в этой позиции активно поддерживается союзами и частицами: <...> *И в довершение — обильные дожди на севере края* (газ.); <...> *Ну и в заключение. Как мне сообщили в ГУВД, по данному факту проведено служебное расследование.* <...> (газ.).

Как показывает последний пример, позицию скрепы-фразы могут занимать словоформы в абсолютном употреблении, которые обычно используются с распространителем; ср. также: *Ну и в продолжение. Этот учебник издан в Университете дружбы народов* (Устн. речь).

Рассмотренные факты относятся к продуктивному языковому явлению, требующему дальнейшего изучения и не допускающему однозначной квалификации по шкале служебность — знаменательность. Сами лексем, наиболее частотные из которых *в результате, в заключение, в итоге*, стали «неотъемлемой частью нашей современной устной и письменной речи» [Караулов 1992: 97], представляют собой «опорные элементы синтаксиса научной речи» [Герд 1995: 22].

## Литература

1. Герд А.С. Взгляд на русский язык науки сегодня и завтра // Русистика сегодня. 1995. № 4. С. 22–30.
2. Во Куок Доан. Семантико-синтаксические свойства релятивов с лексемой «отношение» в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2002.
3. Караулов Ю.Н. Словарь Пушкина и эволюция русской языковой способности. М.: Наука, 1992.
4. Крылова Г.М. Семантико-синтаксические свойства слов-гибридов с обобщающе-ограничительным значением (на материале лексем «в общем», «в целом», «в принципе», «в основном»): дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВГУ, 2002.
5. Рогожникова Р.П. Словарь эквивалентов слова русского языка. М.: Рус. яз., 1991.
6. Сергеева А.Г. О некоторых синтагматических свойствах гибридного слова *в заключение* // Проблемы сохранения, развития и распространения русского языка как великого достояния народа: Материалы научно-практической конф. Владивосток, 2002.

7. Словарь служебных слов русского языка. Владивосток: Изд-во ГУП «Примпо-лиграфкомбинат», 2001.
8. Структурно-грамматические свойства русских фразеологизмов: Коллективная монография. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2002.
9. Шиганова Г.А. Система лексических и фразеологических предлогов в современном русском языке. Челябинск: Изд-во ЧГПУ, 2001.

#### Научные исследования, указанные в редакционных примечаниях

1. Сергеева А.Г. Семантические и функциональные свойства лексикализованных предложно-падежных словоформ «в заключение», «в завершение», «в довершение»: дис. ... канд. филол. наук. Владивосток: ДВГУ, 2007. 184 с.
2. Сергеева А.Г. Слова *в заключение, в завершение, в довершение* в текстах разных функциональных стилей // Вестник АТАПРЯЛ. 2011. № 2–3. С. 79–81.
3. Служебные слова в лексикографическом аспекте [Электронный ресурс]: монография / отв. ред. Е.С. Шереметьева, Е.А. Стародумова, П.М. Тюрин. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2017. CD-ROM.
4. Шереметьева Е.С., Хэ Сьюань. Специфика конструкций, строящихся на основе сочетания союза «А» с конкретизаторами «по сути», «по существу», «в сущности» // Научный диалог. 2018. № 1. С. 47–56.
5. Шнырик Е.А. «В результате»: портрет слова в текстовом обрамлении // Русский язык в школе. 2008. № 7. С. 63–66.
6. Шнырик Е.А. *По большому счету* (из истории возникновения устойчивого оборота) // Русская речь. 2013. № 2. С. 71–77.
7. Шнырик Е.А. «По сути»: мотивы использования // Русская речь. 2016. № 2. С. 51–57.
8. Шнырик Е.А. Лексикализованная словоформа «по идее» в аспекте словообразования // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 5(71): в 3-х ч. Ч. 3. С. 165–169.

---

## The formations of prepositional type and blendwords

G.N. Sergeeva,

Far Eastern Federal University

E-mail: dvfu-kaf-rus@yandex.ru

The article analyzes one of the groups of word equivalents in Russian — words of hybrid type: their particular qualities are studied by the example of lexicalized prepositional-nominal word forms in the auxiliary function *v resul'tate* 'as a result (of)' and *v itoge* 'at the end (of)' which can function in the text with and without a distributor. The status of such units is discussed and whether they can be treated as derived preposition. The functional similarity of the considered hybrid words with the independent functioning of the lexeme and its use as part of a nominal group is demonstrated; besides, the author characterizes the use of the named lexemes in the position of a discourse connective.

**Key words:** functional word, hybrid word, blendword, derived preposition, discourse connective.

# Пропущенные страницы истории русской орфографии: орфографические взгляды А.С. Шишкова

**Н.В. Николенкова,**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**E-mail:** natanik2004@mail.ru

В статье рассмотрены филологические взгляды А.С. Шишкова, в частности его подход к русской орфографии, сформулированный в работе «Разговоры о словесности» (написана в 1811 г.). Данная работа не была предметом отдельного лингвистического описания. Взгляды А.С. Шишкова, отраженные в этом сочинении, проанализированы лишь в качестве одного из этапов борьбы против «нового слога» карамзинистов. Мы рассмотрим данную работу как один из этапов формирования теории русской орфографии в ранний период развития филологической науки в России.

**Ключевые слова:** история и теория орфографии, А.С. Шишков, ранний период развития русской филологии.

Александр Семенович Шишков имеет не самую лучшую репутацию как исследователь русского литературного языка конца XVIII — начала XIX в. Оценка его вклада в язык и науку о языке во многом основана на работе Я.К. Грота о Н.М. Карамзине, в которой академик находил «ограниченность, безвкусию, недостаток основательной учености и добросовестной критики» в сочинениях Шишкова и утверждал, что эти произведения «еще ждут себе заслуженного приговора» [Грот 1867: 23]. В.В. Виноградов характеризует его как «вождя консервативной группы славянофилов, противопоставляющих церковно-книжную идеологию тем буржуазно-революционным веяниям и идеям, которые несло с собой влияние французского языка» [Виноградов 1938: 195]. Результатом этих негативных характеристик стало то, что в подавляющем большинстве работ по истории литературного языка, во-первых, деятельность президента Российской Академии с 1813 по 1841 г., автора словарей, сочинений филологического характера, литературных текстов, в том числе одного из первых переводов «Слова о полку Иго-

реве», рассматривается исключительно в русле его борьбы за сохранение «старого слога», основанного на знании и понимании церковнославянского языка. Во-вторых, с легкой руки А.С.Пушкина («Шишков, прости, не знаю, как перевести») за ним сохраняется репутация человека, борющегося с заимствованиями и упорно предлагающего собственные русифицированные варианты иностранных слов; очень часто в желании показать нелепость такого «перевода» приводятся не те примеры, которые использовал в своих книгах Шишков.

Попытку пересмотреть личность этой сложной фигуры и уточнить вклад А.С. Шишкова в историю русской филологии предпринимает А.М. Камчатнов. Он показывает, что в начале XIX в. — в период, когда русская филология еще находится в стадии формирования, — Шишков высказывает целый ряд идей, которые предваряют собственно лингвистические положения: так, он практически подошел к идее «внутренней формы слова», абсолютно правильно определил оттенки значения и сочетаемость церковнославянизмов и русизмов в языке (чему,

конечно, способствует активная работа президента Российской Академии по составлению нового толкового словаря) [Камчатнов 2005: 443–445; Камчатнов 2018]. Камчатнов реконструирует взгляды Шишкова, последовательно разбирая как наиболее известные, так и мало изученные его работы, показывая стройность филологических представлений ученого раннего периода развития русской науки.

Поддерживая позицию А.М. Камчатнова, автор данной статьи считает, что филологические труды Александра Семеновича Шишкова должны быть включены в историю русской славистики как важный этап начального периода становления русской филологии — и лексикографии, и этимологии, и, как будет показано нами, орфографии.

История русской орфографии XVIII — начала XIX вв. наиболее подробно представлена в работе Т.М. Григорьевой [Григорьева 2004]. Попытки орфографической кодификации после реформы Петра Великого — это попытка написания грамматики В.Е. Адогуровым, «Разговор об орфографии» В.К. Третьяковского, орфографический раздел грамматики М.В. Ломоносова, различные публикации на данную тему А.П. Сумарокова [там же: 13–25]. Орфографические рассуждения начала XIX в. отражены в трех изданиях Российской грамматики, сочиненной Российской Академией (первое издание 1802 г.) [РГ 1802]. Раздел о правописании в этом тексте занимают §§ 3–19, отдельный § 22 посвящен правилу употребления прописных, несколько следующих параграфов связаны с графемами «и» — «і»; «ф» — «ѳ» [РГ 1802: 9–13].

Шишков видел, что Российская грамматика не может обеспечить единство правописной нормы. В первую очередь она не давала опоры на четко сформулированные принципы орфографии. Именно с этим связано написание им собственного сочинения, посвященного вопросам орфографии, — «Разговоры о словесности между двумя лицами Азь

и Буки»<sup>1</sup> [Шишков 1824: 1–43]. Небольшая по объему работа создана в вопросно-ответной форме и напоминает нам о «Разговоре об орфографии» В.К. Третьяковского. Позиция автора выражается в основном в лице Буки, по крайней мере, именно ему принадлежат следующие важные для Шишкова замечания: правильное написание слов в языке приобретает «многимъ чтеніемъ, прмѣчаніемъ и размышленіемъ» — в первую очередь церковных книг, в которых следуют твердым правилам; в написании необходимо следовать и произношению, и словопроизводству, при этом «надобно какъ тому, такъ и другому, послѣдовать съ рассудкомъ»; Буки утверждает, что нельзя автоматически следовать каким-то написанным правилам или, напротив, уклоняться от них — надо «прилѣжнѣ вникать въ него (язык — *Н.Н.*)» [там же: 1–3].

Сама вопросно-ответная форма сочинения дает Шишкову возможность поднимать сложные правописные вопросы и сразу же отвечать на них. Главный теоретический вопрос, который решает в работе Шишков, — на что должно опираться русское правописание: на произношение или на словопроизводство. Автор вступает в дискуссию пятидесятилетней для его времени давности: на письме «по звонам» настаивал Третьяковский (хотя не смог последовательно провести свою идею и использовать ее в личной практике), тогда как Ломоносов говорил об этимологическом принципе русского правописания [Григорьева 2004: 16, 18]. Шишков пробует в своей теории соединить оба подхода: «произношеніе и словопроизводство, обѣ необходимыя для языка и правописанія вещи, часто противурѣчатъ между собою, и въ таковыхъ случаяхъ непремѣнно одна другой уступать должны... самъ разумъ часто не доволень бываетъ, когда ухо оскорблено» [Шишков 1824: 2–3]. Рассматривая приведенные далее примеры, мы отмечаем,

<sup>1</sup> Текст написан в 1811 г. Разбор части этого сочинения сделан в [Камчатнов 2018: 123–126].

что автор понимает особенности русского произношения: отмечает аканье (по произношению надо было бы писать «карова»), ассимиляцию по глухости и оглушение на конце слов (приводит примеры «афца» и «рукафъ»), диссимиляцию («што») [там же: 3]. Произносительная норма Шишкова требует фрикативного [y], но он против написания «нохти» с отражением оглушения [там же]. Таким образом, фонетический принцип в качестве основного для русского правописания Шишков отвергает. Но и «словопроизводительный» как единственно верный невозможен.

Сразу после постулирования невозможности основывать правописание на одном только из двух этих принципов автор предлагает своему «собеседнику» поразмышлять о правописании слова «тридцать» — именно в таком варианте оно впервые появляется в сочинении [там же: 4]. Сложные числительные на *-дцать* обсуждаются в грамматике М.В. Ломоносова, именно они являются маркером разделения высокого и среднего штилей: «*Певройнадесять, второйнадесять* и протчія; употребляются только въ важныхъ матеріяхъ и въ числахъ мѣсячныхъ. *Карль второйнадесять*, а не *двнатцатой*». В остальных формах автор предлагает написания *одиннатцать, двнатцать, дватцать, тритцать* [Ломоносов 1755: 101]. В данном случае Ломоносов отступает от своего же правила: «что бы не закрывались со всѣмъ слѣды произвожденія и сложенія реченій»<sup>2</sup> [там же: 52].

Шишков поддерживает необходимость удержания в русском языке как формы «тридцать», так и «тридесеть» — «одно для возвышеннаго слова (тридесеть сребреникъ), другое для простаго (тридцать копѣекъ)» [Шишков 1824: 4]. Аз верно замечает, что первое составле-

но «изъ цѣльныхъ или неповрежденныхъ словъ *три* и *десять*, а въ другомъ послѣднее изъ сихъ словъ <...> сокращено въ *дцать* <...> для скорѣйшаго и удобнѣйшаго выгорована онаго» [там же]. Однако Буки переводит разговор на орфографию и доказывает собеседнику необходимость в противоречие словопроизводству писать именно «тритцать», то есть писать букву «т» по удобству произношения [там же: 5]. Какие аргументы приводит автор? Он считает, что в данном случае еще от Ломоносова для этого слова действует правило сохранения «чистоты произношения», при этом обратный переход («погоня за пустымъ словопроизводствомъ») здесь не нужен, оно лишь повредит. Споря с Азом, который говорит, что можно «буквой *д* показать корень *десять*, отъ котораго сіе *дцать* произошло», Буки вполне логично замечает, что, восстанавливая по словопроизводству «д», кто-то решит восстановить «для большаго еще сохраненія тогоже *тридцать*» [там же].

Чистота произношения в орфографическом оформлении слова «*тритцать*» кажется Шишкову важнее, а словопроизводительный принцип отражается в высоком слоге в форме «*тридесать*». Как и в большинстве своих филологических работ (см. примеры в [Камчатнов 2005: 455]), автор приводит показательные пары примеров числительных, правописание которых различается в высоком и среднем стиле: «*семдесать быстрыхъ еленей, шестдесать тучныхъ кравъ*», но «*семдесать рѣзвыхъ оленей, шестдесать жирныхъ коровъ*» [Шишков 1824: 7], как можно видеть, абсолютно верно проведены и другие языковые параллели (передача \**tort*, начальное *o/e*).

Рассуждения Шишкова о написании «трид/цать» связаны с вариативностью его орфографического оформления в данный период. Вариант «*тритцать*» распространен во второй половине XVIII в. в большей степени: Река Медведица ниже Кимры *тритцать* верст, течет в Волгу с северной стороны (В.Н. Татищев); А сколько тогда ему было лет? сто и *тритцать*

<sup>2</sup> Это правило М.В. Ломоносова наряду с тремя другими регулярно цитируется в разборах орфографии ученого [Григорьева 2004: 19; Каверина 2022: 88]. Однако отступления от него рассматриваются редко.



(архиепископ Платон (Левшин)). Написание «тридцать» выбирается меньшим числом пишущих, но среди них Карамзин: Мы лишились тридцати тысяч воинов (примеры из НКРЯ).

Далее Шишков продолжает утверждать мысль, что не надо «гоняться за словопроизводством», если это может привести к искажению произношения, и размышляет о написании приставок на -з/с (где предлагает руководствоваться фонетическим принципом, при этом он фактически повторяет мысли М.В. Ломоносова: «замѣтя, что передъ нѣкоторыми согласными буквами <...> произношеніе лучше любить букву с, нежели з, стали писать: *воскипѣль, воспою, востокъ* <...>; а не *возкипѣль, возпою, возтокъ* <...>; ибо слухъ столькоже чуждается здѣсь буквы з, сколько предъ другими согласными буквы с, как напримѣръ никто не скажетъ: *исбралъ, восвелъ, иносилъ* <...>» [там же: 12]<sup>3</sup>). Автор абсолютно верно пишет, что в процессе развития языка орфографический облик слова менялся, что могло сделать затруднительным установление словопроизводства его. Безусловно, не обходится Шишков и без этимологических наблюдений: к примеру, верно отмечает, что слово «обоняние» когда-то имело «букву в», выпущенную «для удобнѣйшего произношенія» [там же: 9]. Конечно, в начале XIX в. формирование русской этимологии лишь начиналось и правильно объяснить происхождение слова Шишков не мог, но его решение подтверждает дальнейшим развитием науки.

Далее Азь и Буки в споре доказывают, что последовательное проведение словопроизводственного принципа может привести к «порче» языка — в данном случае имеется в виду именно порча внешнего облика, орфографического

<sup>3</sup> «Положимъ, чтобы употреблять С, не взирая ни на мягкость ни на твердость слѣдующихъ согласныхъ; то должно писать *исбытокъ, расрыть, восбраняю*. Положимъ, чтобы вмѣсто С была всегда З; то принуждены будемъ писать *зколачиваю, зтекаю, изтребляю, возкресеніе*» [Ломоносов 1755: 58].

оформления; значит, надо оставить старое правописание и последовать ему, это не приведет к разногласию старых и новых книг [там же: 10].

Позиция Буки, правда, меняется, когда Азь спрашивает его о возможности написания *зборъ, здѣлать* [там же: 23]. В этом случае автор предпочитает не доверять произношению, а вспомнить о словопроизводственном принципе: приставку «с» в этом случае он считает вариантом приставки «со», а названные выше лексемы — сокращением слов *соборъ, содѣлать* [там же]; при этом он допускает в простонародных словах написание *збитеницикъ, зборщикъ* [там же: 24]. Как нам кажется, Шишков в этом фрагменте не следует М.В. Ломоносову, который сформулировал правило так: «мнѣ кажется должно признаться, что для привычки передъ мягкими З, ВОЗ, ИЗ, РАЗ; передъ твердыми С, ВОС, ИС, надлежитъ оставить» [Ломоносов 1755: 58], однако продолжает последовательно писать приставку «с».

Шишков предлагает и другие решения, отличающиеся от позиции М.В. Ломоносова. Как известно, Ломоносов не включил в свою азбуку букву «щ», которая, с его точки зрения, составлена из «ш» и «ч» [Ломоносов 1755: 42], поэтому никаких правил употребления буквы не формулирует. Шишков полагает, что «щ» необходима: «предки наши замѣчая, что стеченіе буквъ с и ч <...> производить непріятный для слуха выговоръ <...> нарочно для сего изобрѣли букву щ, дабы она, сообразуясь съ произношеніемъ сихъ рѣченій, показывала въ нихъ слитность обѣихъ вышеозначенныхъ буквъ» [Шишков 1824: 13]. В данном случае автор требует писать *прощю, пощусь, мѣщанинъ, извощикъ* и т. д. [там же: 14]. Объясняя отступления от словопроизводственного принципа в пользу фонетического, он показывает, сколь нелепыми будут написания *\*тресчитъ, \*писчитъ* только для того, чтобы видеть произведение от «треск» и «писк».

Любопытны рассуждения Шишкова в ответ на реплику Аза «нѣкоторые почитаютъ

букву *ш* за худой въ нашемъ языкѣ звукъ» [там же]. Фактически перед нами объяснение устройства русского алфавита в сопоставлении с латиницей: автор сочинения показывает, что достоинством его является наличие однозначных букв, передающих «громозвучіе Славенскаго языка» [там же: 15]. Народы, использующие латиницу, вынуждены использовать диграфы и полиграфы: букву *ш* французы выражают буквами *ch*, например [там же: 16]. Да и вообще один и тот же звук иностранцы могут передавать разными буквами: «французы букву *ж*, выражают буквою *i*, начертаваемою нѣскольکو подлиннѣе обыкновенной, или буквою *g* соотвѣтствующею нашему *г*» [там же: 15]. Таким образом, если черноризец Храбр в своем сказании о славянской письменности лишь обозначил достоинство кириллического алфавита, перечислив однозначные буквы, Ломоносов соотнес некоторые славянские буквы и звуки иностранных языков [Ломоносов 1755: 44–45], то Шишков дает лингвистически корректное объяснение особенностей нашего алфавита как средства передачи русских звуков в сравнении с латинским для европейских языков и формулирует эту особенность: «всякая буква, какъ порознь, такъ и вмѣстѣ въ составѣ слова, не остается никогда безгласною, всегда произносится и всегда издаетъ одинакій звукъ» [Шишков 1824: 18].

Естественно, что, рассуждая об алфавите, ученый не мог обойти актуальных вопросов о нужности в нем букв *э* и *ё*. Обе буквы Шишков не считает нужными. Использование *э* вслед за Ломоносовым допускает в иностранных словах (сам использует написание *Эстетика* [там же: 41]), но отвергает ее использование в многих русских «это, этотъ», предлагая сохранить написание «ето, етотъ», ибо каждый русский знает их произношение [там же: 24]. Естественно, в полном соответствии со своими взглядами на развитие русского языка, он полагает, что распространение просторечного «этот» надо остановить, чтобы поддержать чи-

стоту языка. Использование выражений «по одержаніи толь знаменитой побѣды *этотъ* храбрый воинъ» Шишков считает недопустимым, предпочитая указательное местоимение «сей» [там же], а низкий слог и возможное использование первого из местоимений иллюстрирует примером «этотъ храбрый воинъ наостриль лыжи» [там же: 25]. Таким образом, орфографические вопросы он связывает с общими проблемами развития литературного языка, подчеркивая свой консервативный взгляд. Надо заметить, что по данным НКРЯ, местоимение «сей» в начале XIX в. стремительно выходит из литературного языка — после 1820 г. оно практически не фиксируется. Шишков же стремится консервировать уходящую норму<sup>4</sup>.

Такой же подход связан и с возможностью использовать «неизвѣстную доселѣ въ словесности нашей букву *ё* съ двумя точками» [там же] — Буки сообщает, что при встрече с *ё* он «принуждёнъ былъ выскабливать» [там же: 26]. Возможность использования «*io*» писателю также не нравится — это нарушает привычные ему произносительные нормы, допускает в литературный язык «просторечное, простонародное» произношения. Для Шишкова выговор *царемъ* приличнее, чем *цариомъ* [там же]. «Новое» произношение кажется ему вредным, расшатывающим старинное, основанное на церковных книгах; автор волнуется, что широкое использование произношения и написания *ё* может привести к изменению склонений многих слов (к примеру, «ариоль, ариола» [там же: 30]). «Гнев» Шишкова отмечает Камчатнов, анализируя «Разговоры о словесности» [Камчатнов 2018: 123]: этот фрагмент статьи, вне всякого сомнения, следует рассматривать

<sup>4</sup> Можно сравнить стремление А.С. Шишкова к сохранению «сей» и утверждению просторечного характера «этот» с современным стремлением борцов за чистоту языка сохранить мужской род для слова «кофе» и не допустить среднего рода для него, несмотря на стремительный рост названий напитка именно в ср.р.: эспрессо, латте, капучино.

как элемент борьбы против «нового слога», против карамзинского «писать как говорят» [там же: 126].

Однако «поелику онъ (этот вариант произношения через «ё» — *Н.Н.*) укоренился уже въ разговорахъ», то Шишков готов согласиться с его употреблением в комедиях — относя их, естественно, к низкому стилю [Шишков 1824: 33]. Но мысль о таком произношении в одах или трагедиях возмущает и ужасает Александра Семеновича — несколько страниц его сочинения посвящены безобразиям современного театрального мира, в котором «Агамемнонь, или Ахилль, или Семирамида, или Клеопатра, перемѣняютъ произношеніе свое по предыдущей рифмѣ: иногда говорят *идеть*, иногда *идіотъ*; въ одномъ мѣстѣ произнесутъ *зарей*, а въ другомъ *заріой*: въ одномъ стихѣ скажутъ *слезы*, а въ другомъ *сліозы*» [там же: 36].

Кроме того, несколько страниц Шишков посвящает потенциальной возможности введения особой буквы для «иностранный г» в отличие от *h* [там же: 39]. Произносительная норма автора требует фрикативного [ʏ] при чтении Священного писания или од Ломоносова — и он считает нелепым произношение в этих случаях [г], который является признаком простого языка [там же]. Проблему неправильного произношения он видит не в отсутствии двух графем, различающих слова, а в слабой образованности тех, кто не читал ни священных книг, ни Ломоносова [там же: 40].

Главная проблема Шишкова как филолога — неспособность видеть противоречия в своих же лингвистических построениях. Ведь в первой части работы автор уверяет читателей, что произошедшие за время существования языка фонетические изменения должны отражаться на письме, даже если скрывают особенности словопроизводства. Однако происходящие в данное время языковые изменения кажется ему вредными, безобразными и ни в коем случае не должны отражаться в орфографии.

Заметим одно словоупотребление, встретившееся нам в статье. Говоря о современном (безобразном с точки зрения автора) произношении, он говорит, что частое прослушивание таких языковых неправильностей формирует (создает) *вкус* у молодого поколения [там же: 38]. Фрагмент его рассуждения о «тонком вкусе» относится к числу наиболее известных из знаменитого «Рассуждения о старом и новом слоге российского языка», написанного в 1803 г. [Шишков 1803]. Слово «вкус» в этом значении Шишков считает калькой с французского, осуждает широкое распространение его в современном ему языке, язвительно спрашивает, есть ли наряду с «тонким, верным вкусом» «толстый и неверный» [там же: 200–205]. Следует ли полагать, что автор всё же принял новое словоупотребление? Судя по анализируемому нами сочинению, ответ оказывается положительным.

Интересной частью разбираемой статьи является рассуждение Шишкова о написании *и/ы* в корнях после приставок на согласную. Сравнивая два варианта — *и* или *и* — он отмечает, что «наши предки» заметили слияние буквы «ѣ» пред «и» и «для показанія сего сліянія ихъ, выдумали букву *и*, которая даже и начертанием своимъ то самое изъявляетъ; ибо составлена изъ *и* и палочки представляющей десятиричное *и*» [Шишков 1824: 18]. Однако, если обратиться к истории письменности, то окажется, что комбинации графем ѣ/и и *и/и* всегда указывают на [и]. Востоков уже в 1820 г. укажет на большую древность варианта с первым ѣ, а не *и* в графеме [Востоков 1820: 59]. Таким образом, исторически и написание *и*, и написание *и* означают одинаковое произношение. Шишков уверен в обратном и полагает, что *взыскать* необходимо писать так, а не *\*взыискать* [Шишков 1824: 18] исключительно ради указания на производство слова от «искать». Далее приводятся еще примеры: «спросите своего слуха, какъ онъ велитъ вамъ произносить сіе слово: *сы-скать* или *съ-искать?*»;

«положимъ теперь, что вы вездѣ вмѣсто *ы* станете писать *и*; въ такомъ случаѣ вы вмѣсто *предъизвъщеніе*, *предъидеть* станете писать *предызвъщеніе*, *предыдетъ*: но спросите опять своего слуха: онъ вамъ велитъ произносить *предъ-извъщеніе*, а не *преды-звъщеніе*; *предъ-идеть*, а не *преды-детъ*» [там же: 19–20].

Обращаясь к этому фрагменту «Разговоров...», А.М. Камчатнов высказывает предположение, что «Шишков обладал очень хорошим слухом и в словах *предъ-извъщеніе* и *предъ-идеть* слышал второстепенное ударение на приставке и то ли паузу, то ли гортанную смычку между приставкой и корнем<sup>5</sup>» [Камчатнов 2018: 126]. Однако наличие побочного ударения на приставке не подтверждается никакими данными — к примеру, в Словаре Академии Российской даже двукорневые слова даются с единственным ударением. Сомнительно и предположение о хорошем фонетическом слухе Александра Семеновича — так, выше в «Разговорах...» он уверял читателей, что «между выговором *сборъ* и *зборъ* разность почти нечувствительна» [Шишков 1824: 23] — то есть орфографический облик слова заставляет его искать разницу фонетического звучания, меж тем как произнести слово можно только как [збор]. Мы полагаем, что разница между примерами *сыскать* и *предъ-идеть* иная: в первом примере приставка не образует слога, тогда как во втором случае слог составляет; а понимание того, как произведено слово, заставляет делить его не по открытым слогам, а как приставку — корень. Предлагаемое Шишковым написание можно было бы сформулировать в таком правиле: «\*если корень начинается с И, то при присоединении приставки из одной/нескольких согласных сочетание Ъ+и меняется на Ы; если в приставке есть гласный — сохраняется написание Ъ+И». А.Х. Востоков в своей грамматике унифицирует написание: безъ искусный = безыскусный [Востоков 1831: 162].

<sup>5</sup> Это утверждение Камчатнова вызывает сомнение: возможна ли гортанная смычка между согласным и гласным звуком в русском языке?

Частным случаем, не имеющим прямого отношения к орфографии, является разговор Аза и Буки о «новомодном» написании типа *ригскій* вместо *рижскій* [Шишков 1824: 21]. Отвергая решительно первый из вариантов, Шишков абсолютно точно говорит о том, что русский язык имеет сложившиеся чередования, где замена «г» на «ж» в определенных позициях регулярна и исторически обоснована: «для чегоже отъ *округа*, *пирогъ*, вмѣсто *окружный*, *пирожное*, не писать *округный*, *пирогное*?» [там же]. Можно (очень осторожно) говорить о том, что автор практически подошел к идее формулировки традиционно-исторического принципа правописания.

Таким образом, в работе «Разговоров о словесности» А.С. Шишков выявил свои взгляды на орфографию современного ему русского языка. Во-первых, он говорит о том, что единственный принцип правописания в русском языке невозможен и говорит как минимум о двух (довольно близко подходя к формулировке третьего). Во-вторых, он обосновывает важное и для современных орфографистов положение: разные правила базируются на разных принципах, нельзя менять правописание в угоду одному из них. Есть у Шишкова и идеи о допущении некоторой правописной вариативности — если эти «маловажные разности не потрясают языка и словесности» (автор согласен на двоякое написание *при/иятель*) [там же: 42].

Но главная особенность орфографических рассуждений Шишкова состоит в его пожеланиях читать книги, развивать орфографическую зоркость, разбираться с особенностями отдельных слов (в том числе изучая их историю и этимологию), не принимать поспешных решений, а следовать за историческим развитием русского языка: «лучше <...> читать с разсужденіемъ, примѣчать коренныя знаменованія словъ, силу и приличія ихъ роду сочиненія и слогу <...> нежели ничего не читая думать, что когда <...> прочиталъ бѣгло нѣсколько своихъ и чужихъ *повременныхъ сочиненій*, то уже языкъ узналъ» [там же: 43].

**Литература**

1. Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. 448 с.
2. Востоков А.Х. Рассуждение о славянском языке, служащее введением к грамматике сего языка // Труды Общества любителей Российской словесности при Московском университете. 1820. Т. XVII. Ч. XIX. С. 5–61.
3. Востоков А.Х. Сокращенная русская грамматика для употребления в низших учебных заведениях, составленная по поручению Комитета рассмотрения учебных пособий Александром Востоковым, Российской академии и других обществ членом. СПб.: Деп. нар. прос., 1831. 207 с.
4. Григорьева Т.М. Три века русской орфографии (XVIII — XX вв.). М.: Эллис, 2004. 456 с.
5. Грот Я.К. Карамзин в истории русского литературного языка. СПб.: в печатне В. Головина, 1867. 67 с.
6. Каверина В.В. «Российская грамматика» М.В. Ломоносова — первый свод правил русского правописания // Русский язык в школе, № 1 (83), 2022. С. 87–95.
7. Камчатнов А.М. История русского литературного языка: XI — первая половина XIX века. М.: Издательский центр «Академия», 2005. 688 с.
8. Камчатнов А.М. Русский древослов Александра Шишкова: Лингвистическое наследие А.С. Шишкова в научном и культурном контексте эпохи. СПб.: Нестор-История, 2018. 368 с.
9. Ломоносов М.В. Российская грамматика. СПб.: при Императорской Академии Наук, 1755. 210 с.
10. Российская грамматика, сочиненная Императорскою Российскою Академиею. СПб., 1802.
11. Шишков А.С. Разговоры о словесности между двумя лицами Аз и Буки. Разговор I. О правописании // Собрание сочинений и переводов адмирала Шишкова. Часть III. СПб., 1824. С. 1–43.
12. Шишков А.С. Рассуждение о старом и новом слоге российского языка. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 376 с.

---

## **The missing pages of Russian spelling history: spelling views by A.S. Shishkov**

**Natalia Nikolenkova,**  
Lomonosov Moscow State University  
**E-mail:** natanik2004@mail.ru

The article examines the philological A.S. Shishkov's views, in particular his approach to Russian orthography, formulated in the work "Conversations about Literature" (written in 1811). This work was not the subject of a separate linguistic description. A.S. Shishkov's views reflected in this work are analyzed only as one of the stages of the struggle against the "new syllable" of Karamzinism. We will consider this work as one of the stages of the development of the theory of Russian spelling in the early period of the development of philological science in Russia.

**Key words:** history and theory of spelling, A.S. Shishkov, early period of development of Russian philology.



## Духовные причины идейного спора: еще раз о природе конфликта в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»

**И.А. Беляева,**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
E-mail: belyaeva-i@mail.ru;

**А.Г. Матюшенко,**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова  
E-mail: matyushenkoag@mail.ru

Статья посвящена духовной стороне конфликта в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети». Рассматривается соотношение идеологического противостояния героев — представителей старшего и младшего поколений — и примиряющей их силы самоотверженной любви.

**Ключевые слова:** И.С. Тургенев, роман «Отцы и дети», идейный конфликт, духовная сторона взаимоотношений «отцов» и «детей», самоотверженная любовь.

В истории рецепции романа И.С. Тургенева «Отцы и дети», на разных этапах развития общества, литературно-критической и исследовательской мысли неизменно сохранялось внимание к центральному конфликту произведения. Не только само название романа, но и организация действия, в котором немалую роль играют споры между героями, уже первых читателей и критиков неизбежно приводили к пониманию того, что в центре романа лежит конфликт идей.

Не случайно Д.И. Писарев в мартовском номере журнала «Русское слово» за 1862 год вступился за Базарова как за деятельного выразителя современных настроений, который, в отличие от многих иных «негодяев», кто лишь пользовался «фирмой многих идей», их не дискредитировал, а утверждал. В смерти же центрального персонажа романа критик увидел «приговор» автора «над целым направлением идей», что, в его представлении, отменяло интерес к дальнейшим событиям романа [Писарев 2001: IV, 199]. В апрельском номере журнала «Время» за 1862 год Н.Н. Страхов, размышляя во многом о герое, а не о конфликте, увидел тем не ме-

нее важную его составляющую, которая свидетельствовала о том, что тургеневскому герою противостояла не столько другая идея, идея «отцов», сколько «общие силы жизни», поэтому Базаров оказывался «побежден не лицами и не случайностями жизни, но самую идею этой жизни» [Страхов 2003].

Тремя годами позже в обозрении двух романов, Тургенева и Н.Г. Чернышевского, А.М. Бухарев (арх. Феодор) сумел взглянуть на основную конфликтную ситуацию в «Отцах и детях», пожалуй, проинципальнее всех своих современников, увидев в этом сочинении пасхальные интонации, усиливающие «светлость духовного праздника», поскольку чтение «Отцов и детей» состоялось у него, по признанию самого критика, «в светлую или пасхальную неделю» [Бухарев 1865: 500]. А.М. Бухарев, объединив в своем литературно-критическом обзоре под названием «О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской» два романа — «Отцы и дети» и «Что делать?», отмечал в обоих сочинениях коренную проблему времени — проблему не столько идейного, сколько духовного раз-

лада между поколениями «отцов» и «детей». Критик считал, однако, что у Тургенева этот разлад «составных элементов общественного организма» преодолен, или «освежен» как страданием обоих поколений, так и любовью, в том числе «отсветом высшей Отеческой и Материнской любви» [Бухарев 1865: 542, 545]. Идеальный конфликт в романе рассматривался А.М. Бухаревым скорее как «нравственная встреча между “отцами и детьми”» [Бухарев 1865: 505], которую не выдерживает никто. Идеальный спор в целом был осмыслен А.М. Бухаревым как часть духовного вопроса, связанного с тем, как «отцы» и «дети» переживают «одиночество духа», поскольку это именно «отцы» бросили в душу своих «сыновей» «духовные, бессознательные и инстинктивные — конечно, семена этого страшного какого-то самообожания, соединенного с энергическим отвращением не столько от предрассудков, сколько от фальшивости двоедушия и нравственного фанфаронства» [Бухарев 1865: 509].

А.М. Бухарев, как бы мы сказали сейчас, увидел в противостоянии поколений вневременной смысл, но в истории толкования романа Тургенева победила точка зрения, акцентирующая, и вполне справедливо, значения актуальные. В 1940–1950-е годы, а также в годы «оттепели» в литературоведческой науке роман «Отцы и дети» был прочно связан с общественно-политической борьбой 60-х годов XIX века, о чем справедливо пишет в историографическом очерке к «Отцам и детям» В.М. Маркович [см.: Маркович 2008: 507–525]. Однако назревали и тенденции «обновления традиционных концепций» [Маркович 2008: 525], которые начинаются с революционной во многом статье Ю.В. Манна «Базаров и другие», увидевшей свет в «Новом мире» за 1968 год, в которой герой Тургенева был показан как персонаж, не сводимый к определенному кругу актуальных для 1860-х годов идей, а значит, и конфликт представлялся более сложным, чем это казалось ранее. С этой стратегией толкования героя во многом созвучно исследование В.М. Марковича «Кто такой Базаров?» (1981),

ставшее частью его монографического труда [Маркович 1982]. В не менее принципиальной для тургеневедения работе А.И. Батюто [Батюто 1972], по времени примыкающей к исследованию Ю.В. Манна, справедливо речь шла о сложных философских основаниях злободневного идейного спора, в том числе об идеях Б. Паскаля, окрасивших экзистенциальные интонации книги.

В более позднее время исследователи в понимании характера центрального конфликта «Отцов и детей» небезосновательно уходили за пределы нарратива борьбы идей — «полярно несхожих миропониманий» людей 1840-х годов, метафизиков и шестидесятников, по преимуществу позитивистов [Недзвецкий 2009: 92], — отмечая тот факт, что романная событийность во многом обусловлена любовным конфликтом, а т. н. идейные споры — это своего рода преддверие того важного, что будет определять основной нерв тургеневского текста. И если в «первом конфликте», в противоборстве идей времени, согласно В.А. Недзвецкому, Базаров оказывался «несомненным победителем» [Недзвецкий 2009: 96], то вот в этом «втором», или собственно в главном конфликте романа, который наступает с «завязки», то есть встречи с Одинцовой, Базаров, оказываясь вовлечен в онтологический спор, терпит поражение, поскольку таков удел человека, всегда одинокого и «самоломанного». Таким образом, «Отцы и дети» оказываются романом «двух коллизий» [Недзвецкий 2009: 100], в котором первый — разъединяет, а второй — объединяет людей разных поколений и взглядов, уравнивая их перед безразличной вечностью. Таков итог интересных размышлений ученого о конфликтосфере романа, во многом отразивших магистральную тенденцию в его понимании в начале 2000-х годов.

Но наряду с такой интерпретацией «двух конфликтов» имела место и другая тенденция, высказавшаяся в ряде последних работ Г.Б. Курляндской. В одной из них исследовательница писала о том, что известное противостояние «отцов» и «детей» — дело условное, поскольку и те,

и другие «имеют отношение к одному и тому же источнику — своему Божественному происхождению: и те и другие созданы по образу и подобию Божьему» [Журляндская 2007: 18], и, как полагала Г.Б. Курляндская, это как раз и хотел подчеркнуть Тургенев, показывая неизбежное снятие противоречий между людьми, даже, казалось бы, непримиримых взглядов, благодаря Богоподобной природе человека.

С такой позицией во многом солидаризируется И.А. Беляева, которая подчеркивает, что конфликт, представленный в «Отцах и детях», несмотря на всю его трагическую составляющую, не катастрофичен. Исследовательница отмечает, что «жизненный материал второй половины 1850-х — начала 1860-х годов, когда накал противоречий в русском обществе достиг критической отметки», когда «предчувствовалось возможное катастрофическое развитие событий в будущем», т. е. именно такой конфликт идей «позволил писателю так полномерно представить свое художественное открытие, ключевой смысл которого заключался в обнаружении единства и связей в том, что, казалось бы, разведено и расколото безвозвратно» [Беляева 2018: 8]. Как полагает исследовательница, любое противостояние, неприятие, отторжение заканчиваются в тургеневском романе соединением — встречей, пожатием руки, прощением, примирением. Эту мысль Тургенев подсмотрел когда-то у молодого Гёте и из натурфилософского плана перенес в социальную жизнь, что само по себе сомасштабно первичной идее. Конфликт «отцов» и «детей» по этой логике разворачивается на всех уровнях текста, дает знать о себе в разных элементах и деталях и оказывается очевидным прежде всего в сильной позиции «встреч». Встречей «отцов» и «детей» открывается роман, «встречей» же, пусть даже как бы за дверью гроба, он и завершается.

Таким образом, в начале XXI века вновь стал актуальным вопрос о конфликте как структурообразующем центре «Отцов и детей». В настоящей статье мы обратимся к его духовным аспектам, о значении которых писал еще А.М. Бухарев, как бы возвращаясь тем самым к той акту-

альной для современников линии в понимании конфликта, что затем была на долгое время элиминирована в толковании и понимании тургеневского романа в советский период.

Отметим еще раз, что традиционная интерпретация основного конфликта в романе «Отцы и дети» обычно сводится к идеологическому противостоянию Евгения Базарова и его оппонентов. И это не случайно. Действие произведения, написанного в 1861 году, относится к 1859 году, причем важно, что Тургенев указывает точную дату — 20 мая, что, по мысли Л.В. Пумпянского, сразу же вводило читателя в актуальную идейную полемику и напоминало о «свидании Чернышевского с Герценом в Лондоне» [Пумпянский 2000: 412]. Это было время, когда в преддверии крестьянской реформы — отмены крепостного права — крайне обострились общественные противоречия. В тургеневском романе на первом плане оказывается конфликт между нигилистом Евгением Базаровым, представителем оппозиционно настроенного молодого поколения, и Павлом Петровичем Кирсановым, человеком средних лет, который, будучи либералом, всё же склоняется к традиционным ценностям — «принципам», по его собственному выражению. Но за всем этим стоит, по небезосновательному предположению Л.В. Пумпянского, другой конфликт, когда «литературный и политический вождь всех русских Базаровых, великий русский революционер Чернышевский, спорил в Лондоне с Герценом, вождем всех Кирсановых-отцов», поэтому «в романе Тургенева изображен <...> один из актов великой общерусской драмы 1859 года, имя которой — борьба разночинцев с дворянином-либералом» [Пумпянский 2000: 412]. Даже если сделать скидку на риторику того времени, мы, вслед за известным ученым, и сейчас не можем не признать того, что в романе Тургенева перед читателем разворачивается актуальный идейный и общественный спор.

Базаров, как и идейно близкий ему Чернышевский<sup>1</sup>, отрицает почти всё: и Бога, и существующее общественное

<sup>1</sup> Однако, вслед за В.М. Марковичем, нельзя не признать, что Базаров ускользает от любой идей-

устройство России, и институт семьи, и высокое чувство любви, и красоту природы, и литературу, и искусство. Всё это, в его представлении, «романтизм, чепуха» [Тургенев 1981: 34]. Базаров готовит себя к революционной деятельности. Причём главное для него — «место расчистить» [Тургенев 1981: 49]. Каким будет новое общество, его не волнует. Базаров признает только чисто практическую научную деятельность — то, что, по его мнению, «полезно». «Мы действуем в силу того, что мы признаем полезным, — промолвил Базаров. — В теперешнее время полезнее всего отрицание — мы отрицаем» [Тургенев 1981: 49]. При этом Базаров показан в романе как серьезный ученый-исследователь и грамотный врач, готовый прийти на помощь ближнему.

Павел Петрович, в отличие от своего оппонента, не занимается никакой деятельностью, нигде не служит. В споре со своим противником он защищает старые устои и отстаивает «старые» взгляды, которые на самом деле еще несколько лет назад считались передовыми, поскольку, например, английский аристократизм, которого придерживается Кирсанов-старший, дал «свободу Англии и поддерживает ее» [Тургенев 1981: 47], а свобода — основа либерализма. И даже если считать, что либерализм Павла Петровича ограничивается лишь признанием достоинств исключительно английского парламентаризма, то это всё равно немало. Однако в целом герой настроен весьма консервативно. Не случайно его пугает атеизм Базарова: «...страшно вымолвить...» [Тургенев 1981: 49].

Идейное противостояние перерастает в личный конфликт между персонажами. Последней каплей в чаше терпения Павла Петровича оказывается настойчивое ухаживание Базарова за Фенечкой — фактической женой Николая Петровича, к которой он не то чтобы питает тайную страсть, но она напоминает Кирсанову-старшему о его прошлом чувстве. Павел Петрович вызывает Базарова на дуэль, но что

интересно, как равного, как дворянина<sup>2</sup>. Современный исследователь отмечает, что «символически любая дуэль обнаруживает диалектику крайней разобщенности, полного разрыва, вплоть до сознательного желания дуэлянтами принять скорую смерть или убить своего врага, но в то же время подразумевает сближение и даже примирение (одна из обязанностей секундантов — предложить противникам мир до поединка)» [Беляева 2018: 10]. Базаров ранит своего противника, но при этом проявляет благородство: оказывает ему первую медицинскую помощь. И хотя дуэль вроде бы и приводит героев к окончательному разрыву, Базаров покидает Марьино, но ощущения полной разобщенности у читателя нет. Не случайно в итоге следует прощальное пожатие руки. Встреча двух оппонентов в начале романа началась с нерукопожатия, а завершилась, пусть отчасти вынужденно, этим символически важным жестом. Однако если человечески герои сближаются, отчасти оказываются похожи и их судьбы — оба они постигают «трагическое значение любви», — то идейное примирение между ними невозможно. Тургенев не питает по этому поводу иллюзий, он полагает, что идейный конфликт между дворянством, даже либерально настроенным, и разночинцами, пусть даже по происхождению принадлежащими к дворянству, нужно решать в иной плоскости.

Поэтому не случайно при всей важности вышеуказанного идейного конфликта, он не является единственным в «Отцах и детях». «Тайный» психолог Тургенев открывает внимательному читателю и другую «битву»: он показывает, как родители Аркадия Кирсанова и Евгения Базарова вступают в смертельную схватку с мрачным духом нигилизма — за души своих сыновей. Хотя, как небеспочвенно отмечал А.М. Бухарев, в нигилизме «детей» есть отчасти и вина «отцов». Но тем не менее, эта

ной идентификации, как бы запутывая читателя в вопросе о том, какие же ценности он разделяет, создавая тем самым своего рода ореол тайны вокруг себя [Маркович 1982: 186–202].

<sup>2</sup> С.И. Кормилов убедительно доказывает дворянство Базарова, что прекрасно понимал и Павел Петрович Кирсанов, вызывая его на поединок, однако очевидно, что сам герой позиционирует, психологически и ментально ощущает себя разночинцем [См.: Кормилов 2013].

«битва» за души «детей» происходит, причем как бы поверх идейной непримиримости.

Николай Петрович оказывается победителем в этой битве довольно легко. Этому способствует многое. Изначально в семье Кирсановых царят любовь и взаимное уважение. Николай Петрович очень любил свою жену Марию, рано ушедшую из жизни, и самоотверженно воспитывал своего единственного сына Аркадия. Исполненный нежной заботы о сыне, отец привил ему любовь к природе, к литературе и искусству. Правда, Аркадий во время учебы в университете, вдали от отчего дома, попал под влияние Базарова, увлекся идеями нигилизма. По приезде домой он небрежно, «свысока», говорит с отцом, повторяя вслед за своим новым товарищем высокомерные суждения о жизни. Однако в глубине души Аркадий продолжает любить отца, всем сердцем чувствуя неизменную родительскую любовь к себе. Важно отметить при этом, что Николай Петрович не вступает в споры с Аркадием, не пытается его переубедить. Теплое, нежное отношение к «Аркашке» оказывается сильнее всяких логических построений.

Возвращению Аркадия к духовным ценностям, которые исповедует Николай Петрович, способствует и разочарование молодого Кирсанова в личности и идеях Базарова, и, конечно же, нежное чувство к Кате Локтевой — сестре Анны Сергеевны Одинцовой. Как известно, это чувство окончательно убеждает Аркадия в несостоятельности взглядов его прежнего товарища и возвращает его «домой», в привычный ему мир взаимной любви и душевного спокойствия. Не случайно отец и сын Кирсановы обвенчались в один и тот же день: Аркадий — с Катей, Николай Петрович — с Фенечкой. Не случайно также, что две семьи стали жить в одном доме, под одной крышей. Не случайно и то, что в этом прекрасном доме вместе растут два малыша — Митя, сын Николая Петровича и Фенечки, и Коля, сын Аркадия и Кати. Вне всяких сомнений, самоотверженная родительская любовь окончательно победила нигилизм в сердце Аркадия, а Николай Петрович вновь обрел своего блудного сына.

Судьба же Базарова складывается трагически. Вспомним, что отношения Евгения с собственными родителями далеки от идиллических. Василий Иванович и Арина Власьевна горячо любят сына. Он тоже их любит, в чём признается Аркадию, но относится к ним несколько пренебрежительно, не уделяя родителям должного внимания, не проявляя сердечной заботы о них. После трехлетнего отсутствия он приезжает к отцу и матери всего лишь на три дня, и, заскучав от жизни в родительском доме, уезжает, чем жестоко ранит их в самое сердце. Возвращается Базаров в родительский дом не из любви к родителям, а от безысходности: он пережил безответную страсть к Одинцовой, утратил прежний энтузиазм в экспериментальной научной деятельности, с ненавистью покинул усадьбу Кирсановых («Барчуки проклятые!») и «распрощался» с прежним своим товарищем Аркадием. Как известно, в состоянии душевного упадка Базаров нечаянно поранил руку при вскрытии тела человека, умершего от тифа, сам заразился этой смертельной болезнью и умер — без покаяния.

Хотя и здесь ситуация не столь очевидна, поскольку Тургенев — мастер недоговоренностей. В исследованиях А.А. Новиковой-Строгановой, посвященных «христианскому миру» Тургенева, особое внимание уделено знаменитому эпизоду соборования Базарова. Исследовательница признает, что «текст тургеневского романа не позволяет с точностью утверждать, исповедовал ли свои грехи Базаров перед кончиной», но, «обращаясь к реконструкции действия», а соборование, как подчеркивает А.А. Новикова-Строганова, следует за покаянием (исповедью) и причащением, «нельзя отрицать и такого, например, развития событий, при котором Базаров мог ненадолго прийти в себя и, очнувшись от забытья, принести хотя бы краткое покаяние, односложно ответить на вопрос духовника: “Каешься?”, — “Каюсь”» [Новикова-Строганова 2015: 196, 197]. В любом случае, для христианского сердца остается надежда, но она всё же неочевидна. И если уж и говорить о спасении души Базарова, то оно, вернее



всего, приходит не благодаря усилиям героя, а вопреки — через его родителей.

Мать и отец Базарова, глубоко верующие люди, продолжают молиться о спасении души сына и после его смерти. Теперь весь смысл их жизни состоит в том, чтобы отомстить Евгения, спасти его грешную душу. В отношении родителей к сыну-бунтарю раскрывается истинный, глубинный, лишенный всякой политической окраски смысл противостояния отцов и детей и единственно верный путь к его разрешению — путь «святой, преданной любви» [Тургенев 1981: 188]. Этот путь открывается читателю и в известиях о томительном ожидании отцом и матерью приезда Евгения в родную усадьбу, и в эпизодах его жизни в родительском доме, и в безмерных страданиях родителей, ухаживающих за смертельно больным сыном, и в картине его смерти на родительских руках. Наконец, в эпилоге — в молитвенном подвиге стариков на могиле сына.

В целом эпилог романа, играющий важнейшую роль в структуре финала, весь выдержан в молитвенной интонации. А последние строки — «о вечном примирении и о жизни бесконечной...» [Тургенев 1981: 188] — как давно было установлено комментаторами, восходят к заупокойной молитве, что очевидно считывалось первыми читателями тургеневского текста. Не случайно А.И. Герцен спрашивал Тургенева о том, зачем у него появился этот религиозный «requiem на конце»<sup>3</sup>. Ключом к описанию кладбища и могилы Базарова, где речь идет о «безвозвратно» гуляющих по могилам овцах [Тургенев 1981: 187], является скрытая цитация из Евангелия, воскрешающая в читательской памяти притчу о добром пастыре, который «полагает жизнь свою за овец» [Ин. X: 11].

Описание заброшенного кладбища в финале романа, где происходят «встречи» родителей со своим сыном, «являет вид печальный: окружавшие его канавы давно заросли; серые деревянные кресты поник-

ли и гниют под своими когда-то крашеными крышами; каменные плиты все сдвинуты, словно кто их подталкивает снизу» [Тургенев 1981: 187]. Перед читателем разворачивается настоящая апокалиптическая картина, на фоне которой могила Базарова выделяется: она выглядит райским уголком. Оказывается, что на фоне всеобщего запустения место, где покоится Базаров, как будто пребывает в благобытии: его «не касается человек», «не топчет животное: одни птицы садятся на нее и поют на заре» [Тургенев 1981: 188], здесь нет времени — всегда поют птицы и растут цветы, согласно евангельскому стиху о «птицах небесных» и «лилиях долины» [Мф. VI: 26]. На фоне смерти, тлена и запустения, свидетельствующих о бренности всего земного, Базаров как будто один оказывается спасенным среди многих неспасенных. Едва ли это случайно так получилось у Тургенева, поскольку молитвы и слезы родителей, а с ними и всех других персонажей и даже читателей, которые, по мысли Тургенева, просто обязаны были Базарова полюбить<sup>4</sup>, оказываются не «бессильными».

Таким образом, Тургенев предлагает смотреть на конфликт 1860-х годов, конфликт «отцов» и «детей», как на противостояние, не разрешимое на идейном поле, но подразумевающее примирение в сфере любви. Причем, по мысли писателя, сила отеческой любви должна быть выше всех недоговоренностей, всех факторов, которые якобы не позволяют «отцам» любить «детей» «со всем их безобразием» [Тургенев 1988: 50], а потому ответственность в большей мере лежит на первых. Интересно, что в этом плане Тургенев был более оптимистичен, чем, например, Ф.М. Достоевский, в «Бесах» обличивший и поколение «отцов», и поколение «детей» в бесовстве. Тургенев предполагал иной исход — в любви «отцов» к блудным «детям», наперекор всем силам, разделяющим и как будто бы отменяющим примирение.

<sup>3</sup> Письмо А.И. Герцена к И.С. Тургеневу от 21 (9) апреля 1862 года: «Requiem на конце — с дальним апрошем к бессмертию души — хорош, но опасен, ты эдак не дай стрелка в мистицизм» [Герцен 1963: 218].

<sup>4</sup> Об этом Тургенев писал, например, в письме к А.И. Герцену от 10 (22) апреля 1862 года: «Если его не полюбят, как он есть, со всем его безобразием — значит я виноват и не сумел сладить с избранным мною типом» [Тургенев 1988: 50]. Читатель здесь оказывался своего рода вариацией «отцов».

### Литература

1. Батюто А.И. Тургенев-романист. Л., 1972.
2. Беляева И.А. «Отцы и дети» И.С. Тургенева: роман о «вечном примирении» // Филологический класс. 2017. 49 (3). С. 7–14.
3. Бухарев А.М. О современных духовных потребностях мысли и жизни, особенно русской. М.: Издание книгопродавца Манухина, 1865. V + 635 с.
4. Герцен А.И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 27. Кн. I. М.: Наука, 1963. 406 с.
5. Кормилов С.И. Базаров — не разночинец! // И.С. Тургенев: русская и национальные литературы: материалы межд. научно-практич. конференции 26–28 окт. 2013 г. Ереван: Лусабац, 2013. С. 389–400.
6. Курляндская Г.Б. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети»: согласие поколений // Спасский вестник. Вып. 14. 2007. С. 6–18.
7. Маркович В.М. Роман И.С. Тургенева «Отцы и дети» в отечественном литературоведении 1952–2006 годов // Тургенев И.С. Отцы и дети. СПб.: Наука, 2008. С. 507–540.
8. Маркович В.М. И.С. Тургенев и русский реалистический роман XIX века (30–50-е годы). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. 208 с.
9. Недзвецкий В.А. И.С. Тургенев: логика творчества и менталитет героя. М.: [Б.и.], 2009. 208 с.
10. Новикова-Строганова А.А. Христианский мир И.С. Тургенева. Рязань: Зерна-Слово, 2015. 336 с.
11. Писарев Д.И. Базаров («Отцы и дети», роман И.С. Тургенева) / Писарев Д.И. Полное собрание сочинений и писем: В 12 томах. М.: Наука, 2000–2013; том IV. М.: Наука, 2001. С. 164–201.
12. Пумпянский Л.В. Классическая традиция. Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки Русской Культуры, 2000. 864 с.
13. Страхов Н.Н. И.С. Тургенев Отцы и дети (статья) / Критика 60-х гг. XIX века / Сост., вступит. ст., преамбулы и примеч. Л.И. Соболева. — М.: ООО «Издательство «Астрель»»: Издательство «АСТ», 2003 (Библиотека русской критики). [Электронный ресурс] Режим доступа: [http://az.lib.ru/s/strahow\\_n\\_n/text\\_0050.shtml](http://az.lib.ru/s/strahow_n_n/text_0050.shtml) (дата обращения: 07.09.2022).
14. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма: В 18 т. Т. 5. М.: Наука, 1988. 640 с.
15. Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Соч.: В 12 т. Т. 7. М.: Наука, 1981. 560 с.

---

## The ecclesiastical causes of the ideological dispute: once again about the nature of the conflict in the novel by I.S. Turgenev “Fathers and Sons”

**Irina Belyaeva,**

Lomonosov Moscow State University  
E-mail: belyaeva-i@mail.ru,

**Andrey Matyushenko,**

Lomonosov Moscow State University  
E-mail: matyushenkoag@mail.ru

The article is devoted to the ecclesiastical aspect of the conflict in I.S. Turgenev’s novel “Fathers and Sons”. The authors of the article analyze the correlation between the ideological confrontation of the heroes — representatives of the older and younger generations — and the power of selfless love reconciling them.

**Key words:** I.S. Turgenev, the novel “Fathers and Sons”, ideological conflict, the spiritual aspect of the relationship between “fathers” and “sons”, selfless love.

DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-31-38

# Телеграм-канал как средство lifelong learning для преподавателя РКИ

**О.В. Анциферова,**

E-mail: o.anciferova@spbu.ru

**Н.А. Афанасьева,**

E-mail: n.a.afanaseva@spbu.ru

**И.Н. Ерофеева,**

E-mail: i.erofeeva@spbu.ru

**Д.В. Колесова,**

E-mail: d.kolesova@spbu.ru

**Е.В. Косарева,**

E-mail: e.kosareva@spbu.ru

**Т.И. Попова,**

E-mail: t.popova@spbu.ru

**К.А. Щукина,**

E-mail: k.shukina@spbu.ru

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье обобщается опыт создания и ведения профессионально-ориентированного телеграм-канала для преподавателей русского языка как иностранного. Освещаются разнообразные рубрики канала, делается акцент на специфических чертах представления контента в рамках каждой рубрики. Характеризуется специальная часть проекта — регулярно выходящие подкасты (интервью с экспертами). Делается вывод об эффективности использования телеграм-канала для непрерывного обучения взрослого профессионала в области преподавания РКИ.

**Ключевые слова:** непрерывное обучение, профессиональное общение, РКИ, телеграм-канал.

Непрерывное обучение взрослого профессионала — актуальный тренд не только в сфере образования, но и шире — во всей социальной сфере. Государства-члены ЮНЕСКО считают «обучение на протяжении всей жизни для всех» важным элементом в области образования и развития современного общества [Институт ЮНЕСКО по обучению на протяжении всей жизни: электронный ресурс]. Задачи, поставленные перед университетами всего мира, опубликованы в труде «Making lifelong learning a reality: a handbook» [электронный ресурс]. Одной из них является необходимость «разработать или усилить стратегии внедрения обучения на протяжении всей жизни; способствовать обмену опытом и взаимному обучению» [Making lifelong learning a reality... 2022].

Проблемам непрерывного образования, социально-психологическим, педа-

гогическим политическим аспектам его внедрения посвящено уже много научных работ как в России [например, Герман 2012; Литвинова, Киселева 2020], так и за рубежом [например, Longworth 2003; Kaplan 2016]. В статье «Lifelong Learning Is Good for Your Health, Your Wallet, and Your Social Life» Джон Колеман утверждает: любознательность дает огромные профессиональные преимущества, наша способность к обучению является важной основой процветания и мотивации к дальнейшему развитию, а инвестиции в постоянное образование сейчас становятся «экономическим императивом» общества и личности [Coleman 2017].

В России принцип непрерывного образования в качестве основополагающего лежит в основе проекта интегрированного федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»: «Система образования создает условия для непре-

рывного образования посредством реализации основных образовательных программ и различных дополнительных образовательных программ, предоставления возможности одновременного освоения нескольких образовательных программ, а также учета имеющихся образования, квалификации, опыта практической деятельности при получении образования» [статья 11. п. 7: электронный ресурс]. И сейчас сложилась ситуация, когда участие каждого человека в непрерывном образовании можно рассматривать «в качестве одного из показателей уровня экономического развития страны, поскольку одним из его результатов становится повышение качества человеческого капитала. В процессе получения знаний всё большее значение приобретают информационные технологии» [Фурсов, Чернович 2014].

Всё чаще люди осознают важность добровольного, целеустремленного, не всегда официального, по возможности бесплатного расширения и углубления своих возможностей и компетенций. В то же время с эволюцией средств коммуникации становится легко развивать свою способность учиться маленькими порциями, но каждый день; профессиональные телеграм-каналы позволяют прекрасно реализовать принципы lifelong learning.

В последние два года в нашей профессиональной области наиболее известен канал <https://t.me/rkichannel>, проект О. Плотниковой, где она делится своими мыслями о преподавании иностранных языков и РКИ, а также публикует информацию о вакансиях и возможностях. Популярен канал [https://t.me/rki\\_dlya\\_vsex](https://t.me/rki_dlya_vsex), где можно найти книги по РКИ, хотя новостей в канале нет уже давно. Благодаря каналу <https://t.me/kafedrarki> мы знакомимся с советами, лекциями, полезными материалами от коллег из Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина. Этот канал дает много полезной практической информации и позволяет подписчику быть в курсе того, о чем говорят и думают в ГИРЯП.

Активное доброжелательное обсуждение методики преподавания РКИ и сопутствующих идей идет в канале <https://t.me/rkitoday> — это копилка коллективного опыта, хотя и без классификаторов и возможности поиска нужного контента. В чате <https://t.me/rkichat> преподаватели РКИ обсуждают темы, сопутствующие преподаванию (поиск учеников, работа в ситуации санкций и т. д.). Таким образом, в 2021 году не было канала, целью которого авторы бы считали последовательное и планомерное освещение того, что важно знать преподавателю РКИ, что актуально и в то же время проверено в аудитории.

Учитывая положение, сложившееся в социальных сетях с профессиональным обсуждением проблем преподавания русского языка как иностранного, коллектив кафедры РКИ и методики его преподавания Санкт-Петербургского государственного университета решил вести собственный телеграм-канал «Поговорим про РКИ». Проект был поддержан Фондом Русский мир. 1 ноября 2021 г. канал «Поговорим про РКИ» [<https://t.me/prorki>] начал ежедневно публиковать разнообразный контент, имеющий практическую значимость для преподавателей. Цель проекта — создать площадку для информирования преподавателей РКИ в России и за рубежом о современных инструментах, технологиях и ресурсах, помогающих преподавать РКИ в разных аудиториях; предложить профессиональному сообществу форму кооперации и поддержки. Канал работает в ежедневном режиме, к нему уже присоединились более 1200 подписчиков. Среди них есть и очень молодые будущие преподаватели РКИ (студенты 17 лет), и люди, имеющие профессиональный и жизненный опыт (старше 40 лет), есть люди, посвятившие свою жизнь нашей профессии полностью, и представители других профессий, интересующиеся изучением русского языка и его преподаванием по каким-либо личным причинам.

Следуя принципу системности образования и необходимости постоянного профессионального роста специалистов в области РКИ, а также учитывая огромный поток новой информации, связанный с ростом использования интернет-технологий в обучении РКИ в период пандемии COVID-19, мы организовали ежедневный выход актуальных постов в телеграм-канале с учетом постоянных рубрик, охватывающих основные направления развития компетенций современного преподавателя РКИ, а именно — владение интернет-технологиями преподавания РКИ, умение организовать интерактивное обучение и взаимодействие студентов в группе, владение уровнем подходом к обучению РКИ, владение методами обучения всем видам речевой деятельности и т. д. Представим эти рубрики подробнее.

Задачей автора рубрики **#ресурсы** является определение образовательной ценности и функциональности интернет-ресурсов по РКИ и знакомство с ними профессионального сообщества с последующим обменом мнениями по данному вопросу. Под образовательными онлайн-ресурсами нами понимаются «медиапроекты, сферой деятельности которых является образование, а средой существования — электронные устройства с подключением к сети Интернет. Они направлены на расширение кругозора, повышение уровня грамотности, освоение прикладных навыков и умений [Жукова 2020: 18].

Современная образовательная модель рассматривает электронные средства обучения (ЭСО) с характерными для них дистанционностью, системностью, гибкостью, интерактивностью, модульностью, многоуровневостью, высоким уровнем обработки результатов и т. д.) в качестве неотъемлемого компонента эффективного учебного процесса. Одновременно с этим вопрос успешного внедрения ЭСО остается открытым: «В настоящее время создается и выкладывается во Всемирную сеть огромное

количество обучающих ресурсов по РКИ, однако формат их интеграции в учебный процесс не установлен до сих пор» [Вязовская 2020: 69].

Пост, посвященный тому или иному онлайн-ресурсу, содержит не только фактическую информацию, но и включает методический комментарий о целесообразности использования ресурса в практике преподавания РКИ. Так, например, сетевое мультимедийное пособие «Практикум по грамматике» Л.Л. Бабаловой [<http://rustest-online.ru/soderzhanie/>] представлено в тексте поста как грамматический онлайн-тренажер, позволяющий успешно создать блок тренировочных упражнений как на уроке, так и во внеурочной деятельности обучаемых.

Определяя роль и место ЭСО в РКИ, мы говорим о новых формах обучения — смешанной и дистанционной, а также о важности организации самостоятельной работы студентов, фиксируя интенсификацию как важнейшую характеристику данного процесса. Так, представляя открытый интерактивный авторский образовательный ресурс «Уроки чтения — праздник, который всегда с тобой» Н.В. Кулибиной [<https://ac.pushkininstitute.ru/course1.php?>] мы пишем не только о возможности формирования и развития навыков анализа художественного текста благодаря данному пособию, в частности, развития такого уровня понимания текста как критический, но и обращаем внимание на авторскую методику обучения чтению с пристальным вниманием к притекстовому этапу работы. Более того, еще одна важная черта данного ресурса — возможность организации самостоятельной работы учащихся. Она характеризует современный этап обучения в целом.

Создание текста поста в рамках рубрики «Онлайн-ресурсы» строится по следующему алгоритму:

— название онлайн-ресурса и его автор — его содержательный компонент — методическая ценность ресурса — его соответствие требованиям ТРКИ — возмож-



ности реализации в режиме смешанного обучения — открытость / доступность.

При характеристике содержания онлайн-ресурса особое внимание обращается на его качество, определяемое по таким составляющим, как объективность, актуальность, мультимедийность, гипертекстуальность, увлекательность, интерактивность.

Методическая оценка ресурса включает информацию о возможной интеграции виртуального средства обучения в ткань онлайн или офлайн урока того или иного уровня обучения и о решении соответствующей задачи урока, направленной на формирование, развитие или совершенствование ЗУН. Так, проект, созданный для Russian Today (<https://learnrussian.rt.com/>) может быть использован на этапе введения нового материала (презентационная модель), так как содержит начальные сведения о фонетике и грамматике, представленные в увлекательной, а значит, нестандартной учебной форме.

Качество предъявляемого в рубрике «Онлайн-ресурсы» продукта во многом определяется уровнем профессиональной компетенции его автора, целью которого становится поиск и представление на страницах телеграмм-канала «Поговорим про РКИ» онлайн-ресурсов, которые соответствуют методическим целям и задачам обучения РКИ в контексте обучения как языковым средствам общения (фонетика, лексика, грамматика), так и видам речевой деятельности (чтение, аудирование, говорение и письмо), а также направлены на расширение тезауруса обучающихся и их лингвострановедческих знаний о России.

**Рубрика #пособия** дает характеристику учебникам по выделенным нами основным принципам презентации: уровень коммуникативной компетенции; ориентация на аудиторию (дети, взрослые, учащиеся, преподаватели); специфика профессиональной направленности; объем и структура пособия; содержательная ценность (темы, идеи, про-

блемы, поставленные в текстах); виды и формы заданий; логичность построения уроков, особенности распределения заданий внутри пособия; иллюстративность и красочность; мотивационный и эмоциональный «фон» пособия; специфические особенности, формирующие уникальность книги; возможные недостатки, на которые нельзя не обратить внимания; наличие приложений и их характеристика; возможность использования для самостоятельной работы.

При подготовке постов для рубрики «Пособия» мы использовали все возможные ресурсы для знакомства с книгами: видеопрезентации издательств и личные презентации авторов, статьи и диссертационные исследования, включающие изучение качества современных пособий по РКИ [например, Вострякова 2015] отзывы на форумах, беседы в чатах в социальных сетях, статьи авторов о разработанных пособиях [например, Беликова, Ерофеева 2020; Подгаевская 2019], наш собственный анализ пособий в соответствии с выделенными принципами.

Внимание наших подписчиков предлагаются учебники, изданные в России и за рубежом — для студентов разного уровня владения русским языком, справочные пособия, методические пособия для преподавателей.

Наша задача — не реклама пособий, а краткая, но емкая их характеристика, анализ, ориентирующий преподавателей при выборе книг для работы с иностранными учащимися, ведь учебник во все времена является «обязательным, а порой и главным компонентом любого массового обучения» [Арутюнов 1990: 3].

Весь наш канал является инструментом повышения квалификации преподавателя РКИ, однако есть рубрика, в рамках которой мы стараемся собирать информацию о профильных курсах, вебинарах, конференциях, круглых столах и т. п. В рубрике **#повышениеквалификации** мы стараемся дать подписчикам возможность присутствовать на доступных онлайн-мероприятиях, делимся ссылкой

ми и контактами организаторов. Соответственно, подписчики канала пользуются преимуществами ставшего привычным за годы пандемии онлайн-формата, особенно эту возможность ценят те, кто живет за пределами РФ.

Однако преподаватель РКИ должен иметь представление не только о русском языке и методике его преподавания. Соответственно, в данной рубрике мы делимся сведениями о том, какие полезные опции предлагают сегодня библиотеки (например, проект НЭБ); какие существуют экспертные сообщества и чему у них можно научиться (например, Все-наука); какие подкасты о литературе, о языке, о музыке, об искусстве можно послушать, чтобы поддержать разговор на эти темы и о многом другом, что поможет преподавателю РКИ быть экспертом в разных областях. Кроме того, поскольку преподавание РКИ детям и преподавание РКН — это отдельные блоки компетенций преподавателя, мы стараемся давать информацию о лекциях, платформах, книгах и на эти темы.

Иногда подписчики приглашают на свои мероприятия, и такие приглашения мы очень ценим. Очень важны также, на наш взгляд, комментарии подписчиков к постам данного блока, — в них даются ссылки на новые ресурсы или оцениваются рекомендованные ресурсы. Эти действия подписчиков показывают, что канал способствует профессиональному общению коллег, формированию профильного экспертного сообщества.

Еще одним направлением работы телеграм-канала является рубрика **#тесты\_квесты\_игры\_в\_РКИ**. Не такая серьезная, как рассмотренные выше, но тоже важная. В этой рубрике мы предлагаем различные тесты и игры, которые можно использовать на уроке русского языка как иностранного. Игровой элемент на уроке всегда вносит приятное разнообразие и, несомненно, должен обладать дидактической направленностью.

Представляется, что у данной рубрики четыре основные задачи:

1) познакомить преподавателей с ресурсами, на основе которых можно создавать игровые задания (WordWall, Learningapps, Kvikpic и др.);

2) предложить уже разработанные варианты игровых заданий, созданные с помощью указанных ресурсов (викторины, кроссворды, пазлы, угадки, игры с использованием видео / аудиоконтента и др.);

3) предложить варианты творческих заданий (созданных с помощью генератора слов и облака слов, варианты клоуз-тестов и т. д.);

4) или необычный взгляд на стандартные темы, т. е. расширить тот спектр заданий, к которым обычно обращаются на уроках, показать, как еще можно посмотреть на привычный, казалось бы, материал (задания с использованием инфографики на темы работа / профессия и праздники; перевод невербальной информации в вербальную и др.).

**#курсы** — это еще одна рубрика телеграм-канала, основная задача которой заключается в предоставлении преподавателям информации об эффективных онлайн-курсах по русскому языку как иностранному.

При подготовке постов данной рубрики мы обращались к ресурсам национальных и международных образовательных платформ, на которых размещены курсы от разработчиков ведущих российских и зарубежных вузов.

Посты рубрики **#курсы** знакомят подписчиков с самими разнообразными по тематике и цели обучения курсами: это и практический русский язык для начинающих (A1, A2) и для тех, кто хотел бы усовершенствовать свои знания русского языка и подготовиться к экзамену по ТРКИ (B1, B2, C1, C2); это и онлайн-курсы, обучающие различным видам речевой деятельности; курсы, помогающие разобраться в тонкостях русской грамматики; курсы, знакомящие слушателей с историей и культурой России.

Посты об онлайн-курсах по РКИ содержат всю необходимую для препода-

вателей и их студентов информацию: название онлайн-курса и его авторы-разработчики, адресат с учетом стартового уровня владения русским языком, особенностей родного языка обучающихся, профиля подготовки; цель курса; структура и программа курса; предполагаемые результаты обучения; формат и условия обучения, а также нужные для подписчиков ссылки на соответствующие онлайн-курсы и образовательные платформы, на которых они открыты.

Посты рубрики **#курсы** содержат полезную информацию как для преподавателей, работающих в смешанном формате при обучении русскому языку, так и студентов, для которых представлены онлайн-курсы — это прекрасная возможность самостоятельно и интересно изучать русский язык в удобное для них время и не выходя из дома, что очень актуально в наши дни.

**Видеоконтент на занятии по русскому языку как иностранному** — еще одна тема, представленная в рубрике **#видео** телеграм-канала «Поговорим про РКИ».

Преподавателю РКИ трудно бывает сориентироваться в обилии и разнообразии размещенного на видеопорталах контента: художественных, документальных и учебных фильмов, мультфильмов, клипов, новостных программ и т. д. Оказать помощь в решении этой проблемы может рубрика «Видеоконтент на занятиях по РКИ» телеграм-канала «Поговорим про РКИ».

Задачи данной рубрики: во-первых, предложить преподавателям видеоконтент, к которому можно обращаться на занятии по той или иной теме в группах иностранных студентов разного уровня владения РКИ на занятиях по говорению, аудированию, чтению, письму, грамматике. Во-вторых, освещать вопросы, поднимаемые в научно-методической литературе, посвященной работе с видеоконтентом на занятиях по РКИ. Третья задача — предоставить преподавателям площадку для обсуждения вопросов использования видеоконтента на занятиях

по РКИ. Эта задача решается как в опросах, так и в чатах, где преподаватели могут обсудить актуальные проблемы преподавания и поделиться своим опытом.

Каждое воскресенье на канале «Поговорим про РКИ» выходят **#подкасты** — интервью со специалистами в области РКИ: это и преподаватели, и авторы учебников, и издатели, и работники профильных библиотек по РКИ. К разговору мы приглашаем также студентов, слушателей программ профессиональной переподготовки по РКИ, всех, кто может поделиться опытом получения профессии преподавателя РКИ. 20–30-минутный формат подкаста включает представление специалиста и интервью-расспрос по различным профессиональным темам: о профессиональных и личностных качествах преподавателя РКИ, о разных аспектах обучения видам речевой деятельности, об опыте преподавания РКИ в других странах, о создании языковых онлайн-школ и спросе на изучение РКИ, о создании учебников по разным профилям обучения и для разных уровней владения языком и о многом другом. Ведущие подкастов — это авторы наших постоянных рубрик телеграм-канала, и они же ведут профессиональный разговор на профессиональные темы, что позволяет показать профессию преподавателя РКИ изнутри, обсудить те вопросы, которые являются в нашей специальности дискуссионными. Подкасты с профессионалами в области РКИ — достаточно новое направление в области непрерывного образования в РКИ. Специалисты отмечают большую образовательную ценность подкастов как для студентов, так и для преподавателей [например, Белинова и др. 2020].

Особую ценность для подписчиков нашего телеграм-канала представляют **чаты**, дающие возможность высказать мнение по поставленному вопросу, рассказать о своем опыте использования учебника, уточнить методы работы и т. д. Так, 04.09.2022 подписчик предлагает свой вариант игры для первого знакомства со студентами: «Отличную тему

затронули на начало учебного года. Есть такая игра, которая почему-то называется «баранья голова», и далее описывает игру. Реакции подписчиков носят оценочный характер, они поддерживают или не разделяют мнение автора поста. Например, 03.09.2022 один подписчик соглашается с высокой оценкой потенциала серии роликов социальной рекламы «Русский проект» 1995–1997 гг. для преподавания РКИ: «Главное здесь — качество кинематографическое самих роликов высокое. При этом короткий хронометраж, привычный современным студентам-тик-токерам. Спасибо большое!», а другой подписчик считает, что это устаревший материал: «Любопытно, конечно. Но многое безнадежно устарело: посетите Советский Союз!». В целом, участие в чате позволяет сформировать свои профессиональные оценки и осмыслить свой опыт преподавания РКИ.

Итак, телеграм-канал «Поговорим про РКИ» является одной из современных форм непрерывного обучения взрослого профессионала в области РКИ, он дает возможность подписчикам узнавать новое в профессиональной области, получать статус эксперта мнения, а также соотносить свои методы преподавания с методами, предлагаемыми авторами постов и подкастов, предлагать свои методы обучения. Непрерывный рост количества подписчиков свидетельствует об интересе к такому способу непрерывного обучения и взаимного обмена информацией международного сообщества преподавателей РКИ. Вопросы в чате открывают темы для новых постов в телеграм-канале и идеи для приглашения специалистов в подкасты. Постепенно складывается доверительное равноправное общение специалистов, чему и служит наш канал.

### Литература

1. Арутюнов А.Р. Теория и практика создания учебника русского языка для иностранцев. М.: Русский язык, — 1990, 168 с.
2. Беликова Л.Г., Ерофеева И.Н. Реализация принципа взаимосвязанного обучения видам речевой деятельности (на примере пособия «Русский язык без проблем!») // Актуальные проблемы преподавания филологических дисциплин: матер. докл. и сообщ. XXV междунар. науч.-метод. конф. — СПб: ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2020. С. 349–353.
3. Белинова Н.В., Сухарева А.С., Шевченко Н.В. Образовательная ценность подкастов: дидактические свойства и технология создания // Проблемы современного педагогического образования. — Сборник научных трудов. Ялта: РИО ГПА, 2020. — Вып. 66. — Ч. 4. С. 24–27.
4. Вострякова Н.А. Основные принципы моделирования учебного пособия для элементарного уровня обучения русскому языку как иностранному / Мир русского слова. — 2015. — №1. С. 68–72.
5. Вязовская В.В., Данилевская Т.А., Трубочанинова М.Е. Интернет-ресурсы в обучении русскому языку как иностранному: ожидания vs реальность. // Русистика. — 2020. — Т. 18. № 1. С. 69–84.
6. Герман М.В. Непрерывное образование: эволюция развития, объективная реальность // Вестник Томского государственного университета. Экономика. — № 2 (18.2012). С. 147–154.
7. Жукова Е.А. Образовательные онлайн-ресурсы: определение и виды // Молодой ученый. — 2017. — № 19 (153). С. 18–20. [Электронный ресурс] URL: <https://moluch.ru/archive/153/43431/> (дата обращения: 02.05.2022).
8. Институт ЮНЕСКО по обучению на протяжении всей жизни [Электронный ресурс] URL: <https://uifl.unesco.org/join-uifl-capacity-building-opportunities-lifelong-learning-policy-making> (Дата обращения: 01.08.22)
9. Литвинова Е.Ю., Киселева Н.В. Вовлеченность в профессиональную среду и ее значение для непрерывного образования // Социальная психология и общество. — 2017. Т. 8. № 2. С. 5–20. doi:10.17759/sps.2017080201

10. Подгаевская А. Учебник по русскому языку для детей-билингвов: языковая концепция и программа обучения русскому языку как второму родному. [Электронный ресурс] URL: <https://rus4chld.pushkininstitute.ru/articles/podgaevskaia.pdf>. (Дата обращения: 01.08.22)
11. Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. N 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс] URL: <https://rg.ru/documents/2012/12/30/obrazovanie-dok.html> (Дата обращения: 03.08.22)
12. Фурсов К.С., Чернович Е.М. Тенденции непрерывного образования // 2014. — № 71. С. 62–63 [Электронный ресурс] URL: Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики. <https://publications.hse.ru/articles/129722056> (Дата обращения: 01.08.22)
13. Coleman, John. Lifelong Learning Is Good for Your Health, Your Wallet, and Your Social Life» [Электронный ресурс] URL: Harvard Business Review: <https://hbr.org/2017/02/lifelong-learning-is-good-for-your-health-your-wallet-and-your-social-life> (Дата обращения: 01.08.22)
14. Kaplan, Aylin. Lifelong learning: conclusions from a literature review. International Online Journal of Primary Education. 2016, volume 5, issue 2. [Электронный ресурс] URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/EJ1243611.pdf> (Дата обращения: 01.08.22)
15. Longworth, N. Lifelong learning in action: transforming education in the 21st century. London: Kogan Page. 2003. [Электронный ресурс] URL: <https://scu.ac.ir/documents/488596/3813335/OECD%20-%20Four%20Future%20Scenarios%20for%20Higher%20Education-OECD?version=1.0&t=1577862938968> (Дата обращения: 01.08.22)
16. Making lifelong learning a reality: a handbook . UNESCO Institute for Lifelong Learning, 2022. 198 pages. [Электронный ресурс] URL: <https://uil.unesco.org/making-lifelong-learning-reality-handbook> (Дата обращения: 01.08.22)

---

## Telegram channel as a means of lifelong learning for a teacher of Russian as a foreign language

**Olga Anciferova,**  
E-mail: [o.anciferova@spbu.ru](mailto:o.anciferova@spbu.ru)

**Elena Kosareva,**  
E-mail: [e.kosareva@spbu.ru](mailto:e.kosareva@spbu.ru)

**Natalia Afanasieva,**  
E-mail: [n.a.afanaseva@spbu.ru](mailto:n.a.afanaseva@spbu.ru)

**Tatiana Popova,**  
E-mail: [t.popova@spbu.ru](mailto:t.popova@spbu.ru)

**Inna Erofeeva,**  
E-mail: [i.erofeeva@spbu.ru](mailto:i.erofeeva@spbu.ru)

**Kira Shchukina,**  
E-mail: [k.shchukina@spbu.ru](mailto:k.shchukina@spbu.ru)

**Daria Kolesova,**  
E-mail: [d.kolesova@spbu.ru](mailto:d.kolesova@spbu.ru)

St. Petersburg State University

The article summarizes the experience of creating and maintaining a professionally oriented telegram channel for teachers of Russian as a foreign language. A variety of channel headings are highlighted, an emphasis is placed on the specific features of the content presentation within each heading. A special part of the project is regularly released podcast (interview with experts). The conclusion is made about the effectiveness of using the telegram channel for continuous learning of an adult professional in the field of teaching Russian as a foreign language.

**Key words:** lifelong learning, professional communication, Russian as a foreign language.



DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-39-48

# Интернет-мемы на уроках РКИ: возможности и примеры использования

**А.С. Каменева,**

Российский государственный гуманитарный университет

E-mail: 0769805@gmail.com

Мир вокруг нас стремительно меняется, порождая большое количество новых феноменов, в том числе речевых. Интернет-мемы — это культурные единицы, циркулирующие в виртуальном пространстве, имеющие шаблонную структуру и использующиеся для выражения эмоции, личного мнения, реакции на что-либо. Мемы могут стать хорошим подспорьем для преподавателя РКИ в первую очередь благодаря своей коммуникативной функции, а также благодаря языковой игре, юмору и т.д. На примере некоторого количества популярных ранее и сейчас мемов данная статья показывает способы использования мемов в преподавании РКИ, встраивания их в контекст занятий с иностранными студентами.

**Ключевые слова:** интернет, мемы, коммуникация, обучение, русский как иностранный, РКИ.

Жизнь вокруг нас меняется как никогда быстро. Еще недавно мы, чтобы поговорить, звонили друг другу по телефону; затем появились смс-сообщения, а после всплеска их популярности наступила эпоха Интернета, где смешались вообще все типы речи — как устная, так и письменная. На их стыке появился такой новый тип языковой культуры, как интернет-мем. Что это такое и зачем нам нужно об этом знать, если мы преподаем русский язык иностранцам?

Понятие «мем» происходит от греческого «mimesis», что буквально значит «имитация». Впервые этот термин ввел английский биолог Ричард Докинз [Докинз 1993: 189], понимая под мемом единицу культурной информации и проводя аналогию между мемом и человеческим геном. Впоследствии данное понятие сузило свое значение до свободно циркулирующей в Интернете единицы коммуникации, которая имеет шаблонную структуру и чаще всего сочетает в себе комбинацию текста и изображения (хотя в действительности это может быть также и песня, фрагмент текста, фрагмент видео или

изображение без подписи). Важнейшей составляющей мема является юмор: несмешной мем вообще трудно (хотя в некоторых частных случаях возможно) назвать мемом. Язык мема — это язык, который обычно используется для неформального общения в Интернете и находится на стыке разговорной и письменной речи; он может включать в себя сокращенные слова, упрощенные грамматические конструкции и нарочно допущенные орфографические и прочие ошибки. Мем чаще всего используется для выражения какой-либо эмоции, мнения или реакции на что-то: не случайно в популярном мессенджере Telegram наборы стикеров, то есть готовых визуальных реакций на реплики собеседника, представляют собой чаще всего именно подборки мемов. Важное качество мема — возможность его распространения, репликации и эволюционирования. В среднем мемы живут не очень долго; они постоянно обновляются и сменяют друг друга, продолжая транслировать особый тип интернет-культуры.

Итак, мемы — это важное средство для неформального общения в современном

мире. Но чем они могут быть полезны на занятиях по РКИ?

Во-первых, очевидно, что если мемы — это средство онлайн-коммуникации, то они могут работать как побуждение к таковой. Мем может имитировать речевую ситуацию и вовлекать в нее студента. При этом важная и полезная особенность мема заключается в его непосредственном содержании: оно, как правило, актуальное, «жизненное», говорящее о бытовых проблемах, характерных для повседневной жизни практически каждого человека. Это могут быть такие ситуации, как конфликт с близкими, рабочие отношения или отношения в учебном процессе, дружеское общение, привычки и черты характера разных людей. Всё это отвечает задаче, которую ставит коммуникативный подход в преподавании языка: нам необходимо с помощью имитации речевых ситуаций постепенно вывести определенные языковые единицы в речь студента, научив его ориентироваться в таких ситуациях самостоятельно.

Во-вторых, большая часть мемов использует текстовую составляющую, а любой текст — это материал, на котором можно отработать различные грамматические темы. Как было сказано выше, мем обязательно должен быть основан на юморе, а сочетание юмора и наглядности даст студенту яркий, запоминающийся образ и поможет тем самым лучше усвоить материал. Таким образом, мем может использоваться и как дополнение к изучению грамматических тем.

В-третьих, мемы непрерывно создаются на самом актуальном социокультурном материале, возникая из политических, общественных, культурных новостей. С помощью подборки мемов можно получить представление о том, что сейчас происходит в стране, о характере россиян: чем они живут, о чем мечтают, что критикуют в современной жизни. Мемы могут также нести информацию о русской культуре, истории и искусстве в игровой форме, что позволяет нам с большей эффективностью и наглядностью познакомить сту-

дента с этими темами. В нашей практике было очень много случаев, когда студенты, делая презентации о политике России или своей родной страны по предметам «Разговорная практика» и «Язык СМИ», на некоторых слайдах использовали мемы — и это действительно помогло им выразить свою точку зрения более ясно, а юмор улучшал общую атмосферу в аудитории.

В-четвертых, мемы — это коллективное, стихийное творчество Интернета, своеобразный сетевой фольклор. И, как в любом творчестве, в них зачастую используются каламбуры и языковая игра (как, например, в знаменитой серии мемов «Омская птица»). С этой языковой игрой можно и нужно работать, просить студента объяснить эту игру, связанную, как правило, с многозначностью русской лексики, попробовать придумать свои примеры и создать новый вариант мема. Конечно, такой тип работы предпочтителен для студентов продвинутого уровня и практически не применим для занятий со студентами начального уровня.

Наконец, любой мем, существуя, непрерывно изменяется, сохраняя свою структуру, но варьируя содержание, текстовую и визуальную составляющую. За счет этой возможности к изменению мем и сохраняет свою жизнеспособность: он живет, пока пользователи Интернета продолжают его изменять, приспособлявая каждый раз к новой индивидуальной ситуации. Подобный тип работы — создание новой вариации мема после выполнения всех упражнений по нему — может по-настоящему увлечь студента, подарить ему чувство вознаграждения в конце урока и стать формой проверки усвоенного материала.

Разумеется, невозможно написать учебник, полностью состоящий из одних мемов — и, вероятнее всего, это и не нужно. Мем не может являться основой урока, но может стать важным и нужным дополнением, «оживляющим» основную тему. Конечно, при подготовке к занятию необходимо тщательно отбирать материал —

некоторые мемы могут затрагивать табуированные темы и содержать обценную лексику; все-таки мы имеем дело со смеховой, низовой культурой. Не следует использовать мемы с нарочно допущенными ошибками и опечатками в текстовой составляющей — студенты могут запомнить неправильный вариант. Однако даже с учетом этих ограничений можно найти множество подходящих для занятий мемов и включить их в структуру занятия. Приведем некоторые примеры<sup>1</sup>:

**1. Мем «С днем...».** Этот мем пародирует растущее количество праздников, о которых нам сообщает новостная лента в социальных сетях. В качестве шаблона используется поздравительная конструкция с Род. п., дополненная любой абсурдной фразой в качестве названия праздника, например, «С днем гречневой каши», «С днем жареной картошечки», «С днем кукурузы» и т. д. Визуальная составляющая пародирует типичный стиль поздравительных открыток начала нулевых: перегруженность декоративными элементами, примитивная 3D-графика, изображения животных, цветов, различной праздничной атрибутики.



Рис. 1. Мем «С днем...»

Мем может стать дополнительным материалом по теме «Праздники», подойдет для студентов среднего и (при некоторой адаптации) даже начального уровня (от А2). Можно предложить следующие задания к мемам этой группы:

<sup>1</sup> Большинство мемов было найдено на сайте-энциклопедии Memeredia.ru, прочие — в социальных сетях ВКонтакте, Facebook и Twitter.

**Грамматика.** Повторяем глагол «праздновать», другие глаголы на -ОВА-. Студенты выбирают один праздник (или придумывают свой), и рассказывают, как будут его праздновать.

Повторяем поздравительную конструкцию с Род. п. Поздравляем друг друга с вымышленными праздниками.

**Речевые упражнения.** Вспомнить со студентами известные им русские праздники, обсудить с ними, не слишком ли мало в России праздников? Продемонстрировать примеры мемов из этой группы и предложить студентам беседу по вопросам: Какие из этих праздников кажутся вам странными? Какие нравятся? Какие вы бы хотели отпраздновать? Как вы думаете, как их правильно праздновать? Как вы думаете, почему в России появился такой мем?

**Письмо.** Студенты придумывают свой собственный праздник и письменно рассказывают о том, что это за праздник, какая у него история, как его правильно праздновать, что дарить на этот праздник и т. д.

**2. Мем «Омская птица».** Представляет собой стилизованное изображение головы птицы на фоне расходящегося кругами узора в сочетании с абсурдными фразами, в которых используется языковая игра. Примеры фраз: «Защитил докторскую



Рис. 2. Мем «Омская птица»

колбасу», «Во рту вяжет бабушка», «Сорвал аплодисменты: созрели», «Округлил число — покатилося», «Сел в стиральную машину и поехал» и т. д. Немаловажное значение здесь имеет дистантное расположение частей текста. Мем является сатирическим отображением мышления человека, находящегося в состоянии измененного сознания.

Данный мем может быть полезен и интересен студентам продвинутого уровня, так как он содержит языковую игру, каламбуры и фразеологизмы, которые могут быть понятны студенту, в достаточной степени владеющему русским языком. Спектр заданий может быть широким в зависимости от набора мемов с Омской птицей: их огромное количество. Однако главный фокус работы именно с этим материалом — это, конечно, языковая полисемия, за счёт которой и создается языковая игра. Например, разные значения глагола «вязать», употребление глагола «сорвать» в конструкции «сорвать аплодисменты» и вне её и под. Данный мем можно использовать для расширения лексического запаса учащихся. В качестве одного из возможных заданий можно предложить создать некоторое количество мемов по этому шаблону самостоятельно. И, конечно, можно использовать Омскую птицу как олицетворение крайне нестандартно мыслящего персонажа в качестве героя письменного задания.

**3. Мем «У меня лапки».** Серия мемов, берущая происхождение от картинки, на которой кот, которому в графическом редакторе была дорисована медицинская шапочка, сообщает: «Я пришел оказать вам медицинскую помощь. Только откройте аптечку сами, у меня лапки». Фраза — «у меня лапки» — оказалась крайне удачным способом выразить свою неспособность к какому-либо действию, разошлась на множество других мемов и до сих пор тиражируется пользователями Интернета в различных вариациях. Существуют даже мемы, вступающие в диалог с этим сюжетом — например, изображение кота

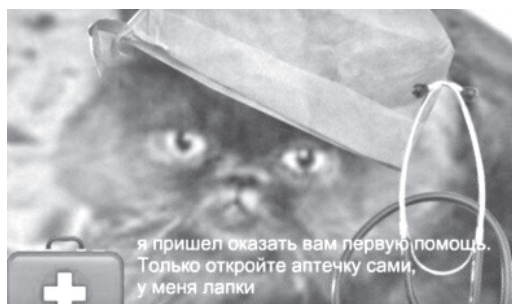


Рис. 3. Мем «У меня лапки»

«за работой» (он выглядит так, будто перебирает карточки в библиотечном каталоге) с подписью «Ну и что, что лапки. Я и лапками могу пользу приносить».

Мем подойдет для работы со студентами среднего и (при некоторой адаптации) начального уровня (от А2). Он может быть использован как дополнительный вариант для тем «Работа, занятия человека».

**Возможные задания.**

**Грамматика.** Тренируем Тв. п. Чем можно работать? (Руками, головой, ...) Чем работает кот? (Лапками). Как вы думаете, лапки — это хорошее средство, чтобы работать? Может ли кот открыть аптечку лапками? Что можно сделать лапками? А что нельзя?

**Речевые упражнения.** Как вы думаете, почему люди тоже иногда говорят, что «у них лапки»? В каких ситуациях вы могли бы сказать, что «у вас лапки»? Что это значит? Работа в парах: смоделируйте си-



Рис. 4. Мем «У меня лапки»



туации, в которых ваш партнер попросил бы вас о чем-нибудь, а вы бы отказались, потому что «у вас лапки».

*Письмо.* (1) Возможен вариант работы со второй картинкой: «Я и лапками могу пользу приносить». Написать рассказ от имени героя мема, кота, у которого «лапки». Как он живет? Что он может делать и чего не может? Доволен ли он своей жизнью? Может ли он «лапками» делать что-то полезное? (2) Как изменилась жизнь кота между двумя картинками — там, где он говорит, что «у него лапки», и там, где он осознает, что он «и лапками может пользу приносить»?

**4. Мем «Наташа, мы всё уронили».** Коты во всех странах являются одними из самых популярных героев мемов, и этот — не исключение. Картинка изображает взгляд на комнату с точки зрения только что проснувшейся женщины, Наташи (имя выбрано случайным образом авторами данного мема). Она лежит в постели, над ней склоняются четыре кота, которые, очевидно, ее разбудили. Они произносят



Рис. 5. Мем «Наташа, мы всё уронили»



Рис. 6. Мем «Наташа, мы всё уронили»

следующие реплики: «Наташ, ты спишь? Уже 6 часов утра, Наташ. Вставай, мы там всё уронили. Мы уронили вообще всё, Наташ, честно». Изначально данный мем был пародией на поведение домашних животных, которые могут разбудить хозяина в любое время суток из-за своих потребностей, но впоследствии он стал использоваться в совершенно разных контекстах, в основном высмеивая острые политические и социальные темы. Примечательна жизнь этого мема во времена первой волны коронавируса в России: он стал отдушиной для многих россиян во время тревожных событий локдауна. Так, например, в одной из вариаций коты говорят: «Наташа, все ходят в масках. Наташа, нам тоже надо. Вставай, Наташа, шей нам маски». Таким образом, мем стал выражением идеи о том, что происходят ужасные вещи, из-за которых некая абстрактная Наташа должна срочно встать и каким-то образом отреагировать.

Мем подойдет для студентов среднего и продвинутого уровней. Возможно использование в качестве дополнения к темам



«Семья, домашние животные» и «Распорядок дня».

Возможные задания:

*Речевые упражнения.* У вас есть домашние животные? Какие смешные ситуации у вас с ними были? Восстановите ситуацию на картинке. Что происходит? Почему Наташа должна встать в 6 часов утра? Как вы думаете, это хорошее время для того, чтобы проснуться? Что вы обычно делаете в это время? Правильно ли поступают коты, или им надо подождать?

Как вы думаете, во сколько легла Наташа? А во сколько легли коты? Во сколько они проснулись и что делали ночью?

*Грамматика.* Повторяем императив. О чём еще могли попросить Наташу её коты? Придумайте ваши примеры: что коты говорят Наташе.

Повторение Вин. п.: что могли уронить коты? Можно поиграть в игру: назовите как можно больше предметов, которые могли уронить коты (обязательно с использованием Вин. п.)

*Письмо.* Напишите две истории: от лица котов и от лица Наташи, опишите их день: как его провели коты и как его провела Наташа.

После просмотра со студентами различных вариаций этого мема можно попросить их придумать собственный мем о Наташе и ее котах.

**5. Мем «Сын маминной подруги».** Часто используется в социальной сети Twitter в текстовом варианте, но имеются и варианты в графическом виде. Основной шаблон таких мемов — картинка, на которой изображены два предмета, из которых один сильно превосходит другой по своим качествам. Подпись к первому предмету: «Я». Ко второму: «Сын маминной подруги». Мем использует образ полумифического персонажа, сына маминной подруги, с которым мать постоянно сравнивает своих детей не в лучшую сторону: что бы они ни делали, они всё равно не будут такими старательными, умными, красивыми, успешными, как «сын маминной подруги», даже во взрослом возрасте. Вариантов это-



Рис. 7. Мем «Сын маминной подруги»

го мема — великое множество: например, кадр из фильма «Супермен», где на вопрос «Что означает S на груди?» главный герой фильма отвечает: «Сын маминной подруги». У «сына маминной подруги» по умолчанию всё намного лучше, чем у обычного человека: даже хоронят его под конец жизни, как показывает один из мемов, не в обычном гробу, а в роскошном древнеегипетском саркофаге.

Мем подойдет для учащихся среднего и продвинутого уровней. Возможно использование его в качестве дополнения к теме «Семья».

Возможные задания.

*Грамматика.* Повторяем Род. п. и объясняем притяжательные прилагательные с суффиксом *-ин*: *мамин, папин, дядин, тетин, Наташин* и т. д. Даем грамматическую конструкцию: сын маминной подруги. Пробуем образовать похожие конструкции с притяжательными прилагательными: дочь папиного начальника, кошка маминной знакомой, девушка Наташиного приятеля и т. д.

Повторяем сравнительные и превосходные формы прилагательных, что будет нужно для дальнейшей устной работы.

*Речевые упражнения.* Как вы думаете, кто такой сын маминной подруги? Почему это особенный человек, почему про него сделали мем? Как вы думаете, что означает этот мем? В вашем детстве мама сравнива-

ла вас с другими детьми? Что она говорила? Работа в парах: один студент называет факты о себе, второй — «сын / дочь маминной подруги» — старается показать, что у него есть всё то же самое, только лучше, что он добился лучших результатов, используя сравнительную и превосходную форму прилагательных. Затем студенты меняются ролями.

*Письмо.* Написать историю из жизни обычного человека и сына маминной подруги. Какие у них успехи, достижения? У кого дела лучше? Могут ли они подружиться, помочь друг другу?

После просмотра со студентами различных вариаций этого мема попросить их придумать собственный мем о сыне маминной подруги.

**6. Мем «Как тебе такое изобретение, Илон Маск».** Этот мем представляет собой обращенные к знаменитому изобретателю Илону Маску фотографии различных странных приспособлений, зачастую включающих в себя использование предметов в их нетипичных функциях (например, домашние тапочки, сделанные из бутылок, или веник, приспособленный в качестве одного из автомобильных дворников). Каждое такое изображение сопровождается фразой «Как тебе такое (изобретение), Илон Маск?»

Смысл этого мема заключается в первую очередь в сравнении изобретений



Рис. 8. Мем «Как тебе такое изобретение, Илон Маск»

Маска и поделок наших соотечественников, которыми они, судя по всему, гордятся не меньше, чем Маск — своими Tesla и SpaceX. Интересно, что на один из таких мемов Маск ответил в социальной сети Twitter, причём по-русски — в ответ на видео, где машина едет по дороге словно задом наперед (из-за того, что предварительно ей поменяли местами капот и багажник, а также развернули кресло и руль в салоне), он написал: «хаха офигенно». Конечно же, эта история была растиражирована во всех российских СМИ, что послужило толчком к новой волне подобных мемов с «изобретениями».

Мем подойдет для учащихся среднего и продвинутого уровней. Он может использоваться как дополнительный материал к темам «Профессии, занятия человека» и «Известные люди».

Возможные задания.

*Лексика.* Даем опорную лексику: *изобретение, изобрести*. Обсуждаем: Что такое изобретение? Какие вы знаете изобретения? Кто такой Илон Маск, и чем он известен? Что он изобрел? Как вы думаете, почему россияне хотят показать Маску свои странные изобретения?

*Речевые упражнения.* Отрабатываем конструкцию «как тебе / вам...». Работаем в парах, спрашивая друг у друга: *Как тебе эта книга? Как тебе этот фильм? Как тебе погода? Как тебе моё платье?* и т. д.

Играем: вы — Илон Маск. Вы выбираете один мем с изобретениями и говорите, что вы думаете об этом изобретении. Как вам оно? Следует рассказать учащимся реальную историю, как Маск в самом деле ответил на один из таких мемов.

*Письмо.* Придумываем собственное необычное изобретение, которое могло бы конкурировать с изобретением Маска. Пишем ему письмо о нем: что это такое, зачем нужно, как оно работает и т. д.

**7. Мем «Вжух».** Он представляет собой фотографию kota в колпаке с дорисованной в графическом редакторе волшебной палочкой. У kota очень выразительная мимика. Он представлен в качестве волшеб-



Рис. 9. Мем «Вжух»

ника, который по мановению волшебной палочки может наколдовать что угодно. Картинка сопровождается звукоподражанием «Вжух», обозначающим скорость материализации желаемого; далее следует фраза, начинающаяся с «и...» и описывающая случившееся. Примеры могут быть как добродушными, так и ироничными, например: «Вжух — и такси приехало через пять минут», или же: «Вжух — и ты в армии». Этот мем используется для описания ситуации, когда что-то несбыточное происходит как по волшебству, или же, напротив, когда внезапно и очень быстро случается что-то неприятное.

Мем подойдет для студентов начального и среднего уровней.

Возможные задания.

*Тренировка фонетики.* Звукоподражание «Вжух!» является отличным примером для тренировки произношения согласных. Можно потренироваться в чтении и выразительном, уверенном произнесении различных вариантов этого мема. Кроме того, можно придумать свои примеры и тоже стараться произносить их уверенно и четко: как будто мы произносим заклинание, подобно герою картинки.

*Грамматика:* повторяем глаголы «хотеть» и «мечтать».

*Речевые упражнения.* Чего вы очень сильно хотите? О чём мечтаете? Как вы думаете, что случится, если ваше желание исполнит волшебный кот?

*Письмо.* Расскажите о том, как вы чего-то очень сильно хотели, и в вашей жизни

появился волшебный кот. Что вы у него попросили? Что он сказал вам в ответ? Как изменилась ваша жизнь после этого?

После ознакомления с разными вариантами этого мема можно попросить студентов придумать свой собственный.

**8. Мем «Ж».** Представляет собой фотографию с подписью. На фотографии — кот, наполовину прячущийся под шкафом, так, что мы видим только его заднюю половину тела: лапы и хвост. У шкафа гладкая отражающая поверхность, так что лапы и хвост кота отражаются в двери шкафа. Получившаяся картина напоминает по форме русскую букву Ж, о чём нам и сообщает подпись.

Мем подойдет для студентов начального уровня при изучении алфавита.

Возможное домашнее задание. Попросить студентов найти и сфотографировать предметы (дома, на улице, где-то еще), напоминающие по форме буквы русского алфавита. На следующем занятии студенты должны будут представить эти буквы, сказать, как они называются. Можно заранее распределить буквы по количеству студентов, чтобы в итоге собрался целый алфавит, из которого потом в графическом редакторе можно будет складывать целые слова. Эта игра отлично подойдет для дистанционного формата.

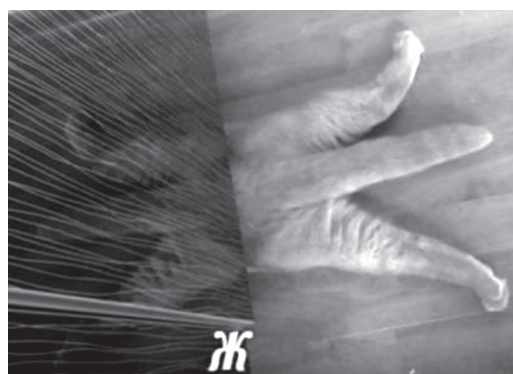


Рис. 10. Мем «Ж»

**9. Мем «Я устал, я ухожу».** Этот мем представляет собой распечатанное заявление на имя директора, в котором вместо

текста заявления мы видим скриншот знаменитого новогоднего обращения Бориса Ельцина. Внизу документа — дата, подпись, фамилия и инициалы сотрудника. Мем обыгрывает известнейшую фразу, сказанную Ельциным в этом обращении: «Я ухожу», которая в народном сознании трансформировалась в «Я устал, я ухожу», поскольку Ельцин произносил ее очень усталым голосом. Очевидно, что перед нами заявление об увольнении или об уходе в отпуск, однако вместо текста обращения к директору — «говорящее» изображение, понятное любому россиянину: мем, возникший еще до эпохи интернет-мемов.

Мем подойдет для студентов среднего и продвинутого уровней. Он может быть полезен студентам, интересующимся культурой и историей России; основная его функция — информативная: благодаря ему можно узнать больше о политической и общественной жизни конца 90-х — начала нулевых. Вначале можно обсудить, что такое заявление, что это за документ и когда его обычно пишут (если перед нами студенты продвинутого уровня, то можно попробовать написать собственные заявления по разным поводам). Далее можно задать вопрос: кто человек на этом изображении? Чем он известен? В случае, если студенты ничего о нем не знают, рассказать, кто он такой, и вместе посмотреть фрагмент того самого новогоднего обращения. Обсудить, что он сделал на посту президента, кто пришел после него, как изменилась политика после прихода нового президента. Затем подытожить: что означает его изображение в данном документе, почему оно использовано вместо текста и в чем заключается юмор. Студентам продвинутого уровня можно предложить создать похожий мем:

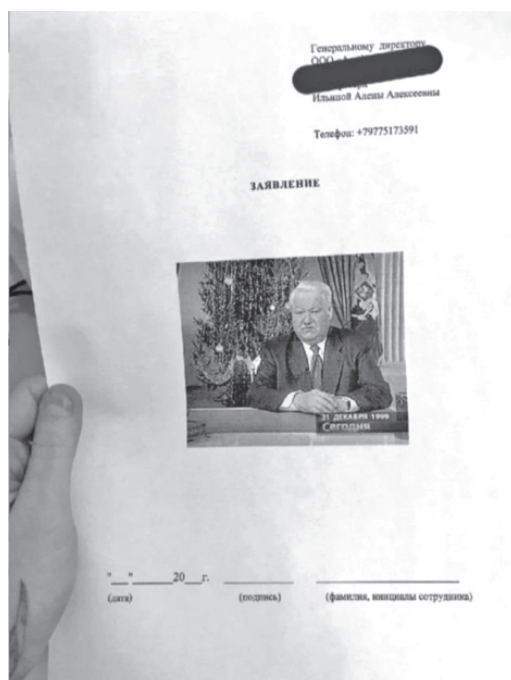


Рис. 11. Мем «Я устал, я ухожу»

документ любого жанра, где в качестве текста или основной части текста будет использован какой-то мем из тех, что они уже знают, желательно русскоязычный, а также объяснить, что означает использованный мем в данном контексте.

Конечно, этот список можно было бы продолжать до бесконечности: мы показали только несколько примеров. Количество мемов, циркулирующих в Интернете, безгранично и с каждым днем только увеличивается. При желании можно обнаружить подходящий мем практически для каждой речевой или грамматической темы. А его использование зависит от целей, задач и фантазии преподавателя.

### Литература

1. Абрамов И.С. Использование аутентичных мемов при обучении английскому языку [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/ispolzovanie-autentichnyh-memov-pri-obuchenii-angliyskomu-yazyku> (дата обращения: 25.06.2021).
2. Докинз Р. Эгоистичный ген. М.: Мир, 1993. 318 с.



3. Загоруйко А.О., Ефремова М.А. Потенциал использования интернет-мемов в качестве обучающего средства [Электронный ресурс] <https://cyberleninka.ru/article/n/potentsial-ispolzovaniya-internet-memov-v-kachestve-obuchayuschego-sredstva> (дата обращения: 25.06.2021).
4. Изгаршева А.В. Интернет-мем как медиатекст: лингвистический аспект // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика, 2020. № 5. С. 86–101.
5. Канашина С.В. Интернет-мем как медиатекст // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Филология. Журналистика, 2019. Т. 19, вып. 1. С. 107–112.
6. Кулаженко А.А., Бычкова М.Н. Интернет-мем в межличностной офлайн-коммуникации // Коммуникативные исследования, 2017. № 3 (13). С. 96–105.
7. Лысенко Е.Н. Интернет-мемы в коммуникации молодежи // Вестник СПбГУ. Социология. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 410–424.

## Internet memes in teaching Russian as a foreign language: opportunities and examples of usage

**Anastasia Sergeevna Kameneva,**  
Russian State University for the Humanities  
**E-mail:** 0769805@gmail.com

The world around us is changing rapidly, giving rise to a large number of new phenomena, including speech ones. Internet memes are cultural units that circulate in the virtual space, have a template structure and are used to express emotions, personal opinions, reactions to something. Memes can be useful for teaching Russian as a foreign language, mostly because of their communicative function, but also because of their language play, humour, etc. Using the example of a number of previously and now popular memes, this article shows how to use memes in teaching, to embedding them in the context of classes with foreign students.

**Key words:** Internet, memes, communication, studying, Russian as a foreign language.

### Подписка на I полугодие 2023 г.

**Общероссийская общественная организация  
«Российское профессорское собрание»  
начинает подписку на I полугодие 2023 г.**

Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература — 79623

Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм — 79622

**Объединенный каталог. Пресса России. Подписной индекс**



DOI: 10.18572/2687-0339-2022-3-49-53

## Рецензия на монографию Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника», Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. — 748 с.

**Н.З. Кольцова,**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**E-mail:** koltsovaru@rambler.ru

В рецензии анализируется монография Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника». Отмечается, что автор монографии обнаруживает точки соприкосновения мировоззрения Е. Замятина с отечественной и западной философской мыслью — прежде всего идеями Н.А. Бердяева, В.В. Зеньковского, а также К. Ясперса, Р. Гвардини, О. Шпенглера. Подчеркивается, что для понимания историософии Е. Замятина важны как генетические связи, так и типологические схождения с общемировой гуманитарной мыслью. Особенно ценным представляется ракурс исследования замятинской прозы во всей ее целокупности: художественное творчество рассматривается в соотнесении с критическими и литературоведческими статьями.

**Ключевые слова:** Замятин, проза, историософия, скифство, евразийство.

Издательский дом Тамбовского государственного университета выпустил в свет монографию известного ученого, настоящего подвижника изучения замятинского наследия — доктора филологических наук, профессора, Заслуженного деятеля науки РФ, члена Союза писателей России, Л.В. Поляковой «Проза Е.И. Замятина: историософские искания художника». Цель книги — раскрыть специфику мирозерцания Е. Замятина на материале не только художественного творчества, но и критической, теоретической, литературно-общественной деятельности писателя, которого по праву считают классиком русской литературы.

Кажется, сегодня творчество Евгения Замятина в России и за рубежом изучено досконально: работы виднейших специалистов — Е.Б. Скороспеловой, М.А. Хатымовой, Л. Геллера, Н.Н. Комлик и самой Л.В. Поляковой — известны не только специалистам-замятиноведам, но и студентам, изучающим историю русской литературы. Введены в научный оборот и

антология «Е.И. Замятин. Pro et contra» и *Замятинские энциклопедии*, одна из которых, т.к. локальная, создана при деятельном участии Л.В. Поляковой, другая, вызвавшая острую дискуссию, явилась результатом многолетнего труда Т.Т. Давыдовой<sup>1</sup>. Современному читателю Замятин известен не только как автор романа-антиутопии, но и как ярчайший представитель неореализма 1910-х гг., и как виднейшая фигура литературного процесса 1920-х гг. — активный участник проекта «Всемирная литература», учитель и наставник «Серапионовых братьев», а также талантливый драматург, критик, литературовед. Основательно изучена система воззрений Замятина на искусство, чему, безусловно, способствовало и пятитомное собрание сочинений, включающее в себя статьи и лекции писателя. Однако в замятиноведении по-прежнему остаются

<sup>1</sup> Рецензия С.И. Кормилова на это издание опубликована в «Профессорском журнале. Серия: русский язык и литература» № 1, 2020 г.

лакуны: это и подлинная история создания романа «Мы», и аксиология писателя, и его историософия — именно она и оказалась в центре внимания Л.В. Поляковой, монография которой заставляет по-новому взглянуть на устоявшиеся представления о системе взглядов Замятина на логику истории и путь развития России.

Необходимо подчеркнуть, что задача, которую ставит перед собой автор книги, чрезвычайно сложна: обнаружение констант мышления и творчества писателя не в сфере отвлеченных категорий — математических выкладок или законов термодинамики, на которые Замятин, математик и кораблестроитель, опирался в своих статьях, лекциях и в художественном творчестве, но в той области философской мысли, которая, как подчеркивает Полякова, часто оказывается на периферии интересов ученых. Так, в Кратком философском словаре, как заметила Полякова, историософии, этой важнейшей отрасли научного знания, даже не нашлось места — и это при том, какую роль она играет в гуманитарной мысли России в течение последних двух столетий. По мнению автора монографии, особый интерес к историософии в России предопределен *антропоцентричностью* русской философии и русской культуры в целом. В подтверждение своей мысли исследователь приводит суждение В.В. Зеньковского, внутренне близкое и Замятину: «Русская мысль глубоко историософична... Это... коренится в тех духовных установках, которые исходят от русского прошлого, от общенациональных особенностей «русской души»».

О масштабности труда свидетельствует оглавление монографии, состоящей из Предисловия, шести глав и именного указателя. Глава 1 «Проблемно-теоретический и тематический каркас исследования», включающая более двухсот страниц, дает возможность расширить привычные представления об истоках историософии писателя: в поле зрения автора оказываются параллели — подчас неожиданные — между системой воззрений Е. Замятина и О. Шпенглера, Замятина и Н. Бердяева и даже Замятина и К. Ясперса, Замяти-

на и Б. Рассела. Необходимо отметить, что для Поляковой типологические сходения оказываются не менее важны, чем генетические связи и контактные взаимодействия.

Глава 2 — «В пути к целостному миропониманию, созданию своей художественной мифологии, постижению человека и истории» — интересна с точки зрения совмещения историко-философского «контекстного прочтения» ранних произведений писателя с сугубо литературоведческим подходом (в центре внимания исследователя оказываются и история становления стиля, индивидуальной манеры писателя, и константы замятинской поэтики). Как убедительно доказывает Полякова, замятинский интерес к русской народной культуре определяет и специфику его взгляда на другие страны — в частности Англию; и формальные, казалось бы, уровни поэтики позволяют убедиться в этом. Так, глубинное родство «Уездного» и т. н. «английских» произведений писателя (прежде всего повести «Островитяне»), созданных на разном материале — русской и английской жизни, — проявляется не только на уровне проблематики (извечного конфликта консерваторов и еретиков, или — в замятинской терминологии — энтропии и энергии), но и в сфере жанра и композиции: «...в «городской» «английской» повести «Островитяне» Замятин принципиально сохраняет архитектурный тип «русского» «уездного» повествования: озаглавленные с цифровыми обозначениями главы, то же пристрастие к диссонансам как критерию замятинской философии «исключительно-безобразной» красоты». Данная глава важна и с точки зрения завязки одного из главных сюжетов книги Л.В. Поляковой — специфического замятинского «скифства». Безусловно, эта тема доминирует в позднем творчестве писателя, однако уже вхождение Замятина в «большую литературу» ознаменовалось попытками постижения основ национальной жизни, национального характера.

Название третьей главы — «Протест против того тупика, в который упирается европейско-американская цивилиза-

ция: роман «Мы» — свидетельствует об оригинальном взгляде исследователя на предпосылки замятинского интереса к жанрам политической сатиры, антиутопии: по мнению Поляковой, роман следует воспринимать как выражение замятинского отношения к революции, но «не к той, конкретной Октябрьской... а скорее к самой идее революции, которая вылилась для Замятина в разряд вечных, универсальных величин, равных бесконечности». Действительно, и по сей день в романе, вбирающем в себя английские впечатления и предопределенные ими размышления о пути развития западной цивилизации, видят прежде всего реакцию на формирующееся советское государство, тогда как очевидно развитие мотивов, организующих пространство «Островитян» и «Ловца человеков», — прежде всего т. н. «Заветов принудительного спасения», в соответствии с которыми жизнь добропорядочного англичанина должна быть организована как отлаженный механизм. «Английская» предыстория романа, безусловно, не менее важна для его понимания, чем авторское предвидение будущего советского государства.

И особенно интересной и смелой видится мысль автора монографии о близости замятинских суждений воззрениям Р. Гвардини на логику развития человечества. «Связь замятинской статьи-манифеста «Завтра» с романом «Мы» и с трактатом Гвардини совершенно очевидна», — пишет Полякова. Заметим, однако, что в данном случае корректнее было бы говорить не о связи, но о типологическом родстве взглядов русского писателя-атеиста и немецкого религиозного мыслителя.

Особенно хотелось бы отметить три последние главы, посвященные кристаллизации «скифского сюжета» в творчестве Е. Замятина. В поле зрения автора монографии закономерно оказываются не только образ Аттилы (в замятинском написании — Атилла), вождя гуннов, но и другие «еретики», в которых воплотились черты русского национального характера, — герои рассказов о современности («Слово предоставляется товарищу Чуры-

гину», «Русь», «Рассказ о самом главном» и др.). Скифы, гунны, вечные кочевники и еретики — воплощение тех свойств русской души, которые не покрываются понятием «стихии», «стихийности», но вбирают в себя целый комплекс представлений писателя о русском национальном характере и особенностях русской истории. «Скиф, — пишет Полякова, — это «историко-культурный тип». Этот скифский тип угадывается в образах замятинских грешников — героев и героинь рассказов «Чрево», «Наводнение», «Сподручница грешных». Как подчеркивает Полякова, категории профанного и сакрального предельно сближены в образах этих персонажей и в замятинской вселенной. Более того, замятинские представления о скифах коррелируют и с представлениями Н.Я. Данилевского об отрицательных деятелях человечества — к каковым как раз и относится Аттила, Бич Божий. В том же ряду оказываются строптивцы, неисправимые грешники. Они — необходимый фермент истории, без них было бы немислимо ее поступательное движение. Именно поэтому революция и эволюция не противопоставляются друг другу, а воспринимаются как начала, которые не могут существовать одно без другого — как энтропия и энергия (и эта сугубо замятинская, на первый взгляд, мифологема глубоко укоренена в традиции Серебряного века с его интересом к взаимодействию противоположных модусов бытия — как бы они ни именовались — аполлонизм и дионисийство, категории прерывности и непрерывности).

Замятин, преемник Серебряного века, подхватывает и развивает темы «нового варварства»: в его «еретиках», нечестивцах и грешниках угадываются черты и «кочевников красоты» Вяч. Иванова, и «грядущих гуннов» В. Брюсова, и «скифов» А. Блока, Р. Иванова-Разумника. Возможно, к образу Аттилы, свирепого вождя гуннов, Замятин обратился под влиянием Н. Гумилева. Для «скифолога» Замятина чрезвычайно важна связь с современностью: параллель между скифами и большевиками, безусловно, просматривается в подтексте и романа «Бич Божий», и пьесы

«Атилла» (еще раз подчеркнем: таково авторское написание имени).

Однако, как отмечает Полякова, Замятин не ограничивается повторением уже существующих концепций, а предлагает свою трактовку скифства. Пытаясь постичь законы истории, он обращается к историческим памятникам и документам — как в свое время это делал А.С. Пушкин, собиравший материалы для «Истории Пугачевского бунта». Так, Полякова справедливо полагает, что для Замятина важен и тот факт, что в «Повести временных лет» греки именуют Русь Скифью. Великая Скифь, Великая Скифия, — пишет Полякова, — «символ многотысячелетней славы народов, проживавших на обширных территориях, в том числе нынешней России».

Феномен «нового варварства» рассматривается Поляковой и в связи с широкой темой евразийства с его попытками определения «третьего пути» России. И здесь актуальной оказывается и концепция В. Соловьева с его идеей панмонголизма. Более того, стремление вписать историософию Замятина в широкий контекст побуждает автора монографии обращаться не только к прошлому — спору западников и славянофилов, но и к его историческому продолжению уже во второй половине XX века — в том числе к неоевразийству, к учению Льва Гумилева. Типологическим параллелям между историософией Замятина и гумилевской теорией об этносах посвящена не одна страница исследования — и это не дань популярному по сей день направлению гуманитарной мысли, но тонкое наблюдение: с рассуждениями Замятина о двух силах, управляющих миром и человечеством, — энергии и энтропии, несомненно, коррелируют представления Льва Гумилева о пассионариях и субпассионариях (ценность такой параллели проявляется и в том, что она еще раз заставляет задуматься о влиянии идей Серебряного века на мировоззрение сына Н. Гумилева и А. Ахматовой).

При этом Полякова убеждена в эволюции взглядов самого Замятина, в некоей «модификации его сознания», о которой свидетельствует и изменение цветовой

палитры его художественных текстов. Смело и, на первый взгляд, даже крамольно звучит мысль о движении Замятина в сторону православной культуры. Деликатно, но настойчиво автор монографии проводит мысль о том, что нравственная система ценностей писателя-еретика отнюдь не противоречит православной картине мира (принимая точку зрения исследователя, добавим от себя: возможно, сын священника, бунтарь и нечестивец, Замятин, как и положено математику, «от противного» утверждает те истины, которые в обезбоженном мире «нового варварства» нуждаются в обосновании и защите). И потому отнюдь не надуманными оказываются попытки соотнесения «патриотической формулы» Е. Замятина с историософскими прозрениями Н. Бердяева: «Философия этого мыслителя отвечала «томлению духа» вообще национально мыслящих писателей», к каковым, безусловно, относится и Замятин. Религиозный философ и секулярный мыслитель подчас оказываются близки друг другу в выводах о соотношении универсального и национального в русской истории.

Разработка Замятиным скифской темы влечет за собой и обращение писателя к образу и теме Рима (незавершенный роман «Бич Божий»). Размышления о *римском тексте* органично переходят в рассмотрение т. н. *локальных мифов* в русской литературе и в замятинском наследии. Творчество писателя укоренено в традициях русской литературы: вряд ли можно обойти вниманием его вклад в развитие не только *римского*, но и *провинциального, московского* и — это, пожалуй, главное — *петербургского текста*. Особое внимание уделяется волновавшей Замятина проблеме диалога двух культур — московской и петербургской (работу «Москва — Петербург» Полякова оценивает как «историко-культурный релиз первой трети XX века»): историософия Замятина вбирает в себя рассуждения о современном писателю литературном процессе. И в этой связи далеко не лишними в монографии являются страницы, посвященные замятинской критике современных ему авторов, представителей различных литературных группировок Москвы и Петрограда.

Более того, мифологему скифства Полякова не ограничивает литературой, историей и философией, но помещает ее в культурологический контекст, соотнося историософские искания Замятина с творческими экспериментами его современников в разных областях искусства — музыки («Весна священная» И. Стравинского), живописи (творчество В. Кандинского).

Широкий культурологический фон, на котором представлена историософия писателя, — несомненно, сильная сторона работы. Однако стремление обнаружить все возможные связи творчества Замятина с мировой культурой подчас оборачивается неоправданным, на наш взгляд, расширением реминисцентного поля того или иного произведения или фрагмента. Так, сложно согласиться с версией о генезисе образа «курносого поэта», мраморная фигурка которого находится в Древнем Доме (роман «Мы»). Полякова предполагает, что Замятин мог иметь в виду «Иону Курносого, известного старообрядческого деятеля XVIII века, настоятеля скита на Керженце, писателя и историкографа». На наш взгляд, подобная версия противоречит стремлению писателя ввести в текст архетипические, безошибочно узнаваемые образы-символы мировой и русской культуры: в данном случае совершенно очевидна отсылка к образу Пушкина, которая к тому же

подкрепляется использованием приема своеобразного двойничества, распространяющегося не только на персонажную сферу, но и на вещный мир, — и в этом, очевидно, просматривается гоголевская традиция (с «курносым поэтом» соотнесен R-13, в образе которого заостряются такие портретные детали, как «обезьянья ловкость», «негрские губы»). Для математика Замятина кратчайший путь решения уравнения — самый изящный, и потому использование преседентных имен и образов — Пушкина, Скрябина, Будды — необходимо ему, чтобы безжалостно, резко и недвусмысленно выразить свое отношение к «культуре» представителей «счастливого будущего». Сказанное не означает, что в тексте отсутствуют «затушеванные» реминисценции, напротив — параллели с Легендой о Великом инквизиторе, с произведениями А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя, А. Белого для писателя чрезвычайно важны, но оружием разящей сатиры всё же становятся прозрачные аллюзии — именно они точно бьют в цель.

Монография Л.В. Поляковой — масштабное, глубокое и поистине новаторское исследование, которое, несомненно, в ближайшее время войдет в библиотеку каждого филолога, интересующегося творчеством писателя и литературой первой трети XX века, и при этом привлечет и широкий круг читателей.

---

## Review of the monograph by L.V. Polyakova “Prose E.I. Zamyatin: the artist’s historiosophical searching”, 2022, 7448 p.

**N.Z. Koltsova,**  
Lomonosov Moscow State University  
**E-mail:** koltsovaru@rambler.ru

The review analyzes the monograph by L.V. Polyakova “Prose E.I. Zamyatin: the artist’s historiosophical searching”. It’s noted that the author of the monograph discovers the points of the contacts between Zamyatin’s outlook and Russian and West philosophy — especially the ideas of N.A. Berdyaev, V.V. Zenkovsky and K. Jaspers, R. Guardini, O. Spengler. The perspective of the study of Zamyatin’s prose is especially valuable in its entirety: artistic creativity is considered in relation to critical and literary articles.

**Key words:** Zamyatin, prose, “scythianism”, “eurasianism”.



## Рецензия на монографию: Ефимов М., Смит Д. Святополк-Мирский. М: Молодая гвардия, 2021. — 702 с. (Жизнь замечательных людей)

**М.С. Руденко,**

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

**E-mail:** liza\_rudenko\_1996@mail.ru

В рецензии рассматривается первая полная биография одного из выдающихся русских литературных критиков первой половины XX века князя Д.П. Святополк-Мирского. Его необычная судьба определила вектор его творческого развития и изменения как политических, так и литературно-критических взглядов. Несмотря на то, что на протяжении без малого двух десятков лет Мирский был автором многочисленных ярких критических отзывов, для западных читателей и исследователей он остается автором «Истории русской литературы», до сих пор не утратившей свое значение. Факты творческой биографии Мирского даны на широком фоне исторических и литературных событий первой трети XX века как в России, так и за рубежом.

**Ключевые слова:** Святополк-Мирский, критика, история, эмиграция, русская литература.

Как давно и верно замечено, биография критика — список его статей. В этом (и не только в этом!) смысле герой первой полной биографии на русском языке (Михаил Ефимов, Джеральд Смит. Святополк-Мирский. М: Молодая гвардия, 2021. 702 с. (Жизнь замечательных людей)) князь Дмитрий Святополк-Мирский — яркое исключение. Его необыкновенная судьба создана страшным временем в соавторстве с личной одаренностью и, конечно же, родовыми корнями.

Вот о них-то прежде всего и надо говорить. Ефимов и Смит рушат устоявшуюся легенду о «князе-Рюриковиче». Именно так называли его в Советском союзе в тридцатые годы, при этом скорее в виде похвалы, а не обличения. Очень уж хотелось литературной и прочей советской братии, чтоб служил им верно не только «красный граф», но и прямой потомок Святополка Окаянного, а значит, и самого легендарного основателя династии, правившей на Руси добрых семь веков. Даже Бунин, письменно называвший одиозного критика «Святополком Окаянным», признавал это прямое родство. А уж он-то, в отличие от Горького (именовавшего

Мирского «спецом по истреблению единокровных братьев»), в таких вещах, кажется, разбирался.

Был, был Дмитрий Петрович в родстве с царскими особами, но не Рюриком и Владимиром Крестителем, а с Екатериной Второй, матушкой предка его, графа Бобринского, сына Орлова, при пока еще живом муже, Третьем Петре. А князем лишь в XIX веке стал прадед, хитроумный и беспринципный авантюрист Томаш Мирский. С этих-то интереснейших генеалогических выкладок, в которых «сильные мира сего» неотрывны от событий большой русской истории, и начинается книга Ефимова и Смита.

Необычна история ее создания — замысленная как перевод биографии Мирского, изданной на английском языке, она переросла в полноценное творческое сотрудничество английского литературоведа и Выборгского краеведа, получила строгую документальную основу и многие сотни ссылок на редкие источники. Именно эта «вписанность» фигуры, казалось бы, кабинетного критика и ученого в русскую историю и составляет, сразу скажем, интерес и обаяние для тех, кто и русской ли-

тературной критикой не особо интересуется, и имени самого Святополк-Мирского, возможно, не встречал.

«Царь Дима». Так называл его Олеша. Ну, если говорить об условиях, в которых он родился и возмател, были они поистине царскими. Тихое и благополучное усадьбное детство. Английский язык. Книги. Лучшие учебные заведения. Блистательный Петербург. Отец — министр внутренних дел, нежная мама — из Бобринских и Орбелиани. Первые пробы пера. Знакомство и родство с интереснейшими и знатнейшими русскими аристократами, а также с Морисом Берингом, писателем, однофамильцем того, знаменитого, тем, кто сыграет в жизни Дмитрия огромную роль, определит возможность высших взлетов, но и приведет к гибели... Петербургский Университет, факультет восточных языков. Семинар Венгерова...

Кажется, вполне себе «Другие берега» с минимальными вариациями. Но нет, тут-то и возникает Судьба. И Лермонтов, в отличие от Пушкина, Судьбой не ставший. Князь Святополк-Мирский, потомственный военный, летом 1911 года уходит из Университета в лейб-гвардию. Служит в Царском Селе. Заканчивает Петербургский университет. Попадает на фронт, учится в Академии Генштаба. И, как естественное продолжение, — Белая Армия. Кавказ. Деникин. Штаб. Лагерь для интернированных в Польше. Афины, где, впрочем, семья. Мать, сестра. Отец (повезло?) скончался гораздо раньше, еще до революции. Снова судьба возвращает к истокам: карьера военного теперь невозможна, а вот некое свидетельство о прохождении (завершении?) курса наук в Харьковском университете 1918 года оказывается как нельзя более кстати. Во время вынужденного афинского безделья молодой князь читает английские и французские журналы, создает для одного из них первое «русское письмо» наподобие печатавшихся в «Аполлоне» (уж с Кузминым он, — не подумайте плохого! — весьма знаком), списывается с Морисом Берингом, благодаря которому и попадает в Лондон, в среду добрых знакомых — бывших русских аристократов и английских интеллектуалов.

Среди них — прежде всего четыре Вулф — Бернард Пэрс, знакомец с незапамятного

1907 года, когда этот загадочный человек — журналист, писатель, разведчик — приезжал в благословенную Гиевку брать интервью у старшего Святополк-Мирского. Пэрс, слушавший в Московском университете Виноградова и Ключевского, с 1907 года возглавил Школу славянских исследований Ливерпульского университета и основал журнал «Russian Review». В 1919 году этот профессор был официальным представителем Британии при Сибирском правительстве Колчака. Советская Россия закрыла Пэрсу въезд, что не помешало ему организовать и возглавить Школу славянских и восточноевропейских исследований уже в Лондоне. Именно в ней по протекции Беринга и начинает преподавать никому не известный эмигрант. Именно она через пару десятков лет станет для следователей «доказательством» связи Мирского с британской разведкой. Впрочем, преподавание было очень важной, но далеко не главной ипостасью Мирского в двадцатые годы. Очень быстро он становится звездой на литературно-критическом небосклоне. Славу ему приносят острые и глубокие статьи о русской литературе, опубликованные в английской прессе. Работоспособность и эрудиция Мирского поражали даже на фоне высокого уровня образованности тогдашней элиты. В одной лишь статье он мог квалифицированно разобраться в десятке, а то и другом книжных новинок, за пару лет написать четыре книги. Приблизительно до 1925 года политические взгляды Мирского, так сказать, типичны для эмигранта: неприятие советского строя сказывается на оценках советских авторов, того же Маяковского.

Однако в планы Мирского никак не входило благополучие. Пожалуй, единственной его слабостью была склонность к гастрономическим утехам. В остальном же безбытный князь необыкновенно легко относился к материальным вопросам. Ни семьи, ни апартаментов не заводил, к оседлости не стремился. Лондон считал провинцией, а столицей мировой культуры — Париж, куда и сбегал при первой же возможности. Крайне независимый и парадоксальный в суждениях, он не только публично одобряет «неудобную» эмигрантскому мейнстриму Цветаеву,

но и в течение ряда лет оказывает ей и ее семье материальную помощь, организует ее лондонские гастроли... при этом всё глубже разочаровываясь в ней как в человеке. Умение отделить гениального поэта от отталкивающей личности кажется каким-то мистическим свойством. Вообще отношения Мирского не только с Эфронами, но и с очень непростым «Евразийском» кругом — отдельная и очень интересная тема в книге Ефимова и Смита. Не обойдена связь «Евразии» с ГПУ и участниками операции «Трест», вольными и невольными. Именно с евразийцем Сувчинским Мирский в 1928 году приезжает в Сорренто, к Горькому. К этой вдохновившей его встрече князь был давно готов. К второй половине двадцатых его взгляды и в искусстве, и в политике сильно poleвели. Упоминания не только Цветаевой, но и Маяковского, и Хлебникова, и Пастернака становятся всё более положительными; теперь, по мнению Мирского, всё по-настоящему важное и в жизни, и в литературе происходит в Советском союзе. К этому времени относится и знаменитый литературный анекдот о том, как некий критик призывал Бунина учиться у Фадеева. Критиком этим был, конечно, князь Святополк-Мирский. К середине двадцатых годов относится не только резкая смена взглядов, но и самый плодотворный период деятельности, сделавший имя Мирского прецедентным в университетской филологической среде. Причиной его до сих

пор существующей известности на Западе стали книги по истории русской литературы. Казалось бы, за прошедшие столетия были написаны десятки, если не сотни учебников и историй, однако глубоко личный, ни на кого не похожий взгляд Мирского, оригинальная трактовка известных фактов и сегодня делают его «Историю...» поистине захватывающим чтением. В ней Мирский словно «пропускает» литературу через призму истории, с годами всё глубже погружаясь в мир исторических штудий. Логика исторического процесса, в том числе под влиянием евразийцев, всё больше кажется ему закономерно ведущей к революции, теперь признанной им великой. В статьях конца 1920-х — начала 1930-х годов всё больше социологических выкладок плехановского образца, а вершиной «нового мышления» становится восторженная биография Ленина. Мирский теряет друзей и покровителей, на волоске висит его работа, но с упорством книжного человека он идет вопреки очевидности: вступает в компартию Англии, добивается советского паспорта и права вернуться на родину.

Где его и ждет реальность, разочарование и страшная лагерная смерть.

Такова лишь самая внешняя канва жизни князя Д.П. Святополк-Мирского. Чтение же книги Ефимова и Смита позволит читателю погрузиться в неповторимую атмосферу литературы и истории первых десятилетий страшного и захватывающего XX века.

---

**Review of the monograph: Efimov M., Smith D.  
Svyatopolk-Mirsky. Moscow: Molodaya gvardiya, 2021. — 702 p.  
(The lives of outstanding people)**

**M.S. Rudenko,**  
Lomonosov Moscow State University  
**E-mail:** liza\_rudenko\_1996@mail.ru

The review examines the first complete biography of one of the outstanding Russian literary critics of the first half of the twentieth century, Prince D.P. Svyatopolk-Mirsky. His unusual fate determined the vector of his creative development and changes in both political and literary-critical views. Despite the fact that for almost two decades Mirsky has been the author of numerous bright critical reviews, for Western readers and researchers he remains the author of the “History of Russian Literature”, which has not yet lost its significance. The facts of Mirsky’s original biography are presented through the background of historical and literary events of the first third of the twentieth century both in Russia and abroad.

**Key words:** Svyatopolk-Mirsky, criticism, history, emigration, Russian literature.